

Голубая птица (Сборник сказок народов СССР)

Голубая птица (Сборник сказок народов СССР)

ДОРОГОЙ ДРУГ!

Ты живёшь в большой стране. Разные народы населяют её. У каждого народа свой язык, своя культура, свои обычаи. Но это не мешает им крепко дружить и с уважением относиться друг к другу.

В нашей книжке пятнадцать сказок — столько республик объединились в дружную семью — Советский Союз. Все народы воспевают своих сказочных героев.

Чаще всего рассказывают сказки о смельчаках, которые боролись против жестокой власти царей, шахов, ханов и других поработителей.

— Чтобы стать героем, — говорит народ, — нужны доброта, мужество, находчивость, а велик ты или мал — это не самое главное.

Мал, да удал герой туркменского народа Ярты-гулок. Он спасает людей от злобного и жестокого хана.

Любимец молдавского народа Фэт-Фрумос побеждает в неравном бою драконов и возвращает людям солнце.

Гордятся своим умением дружные братья из русской сказки: «Мы семь братьев, семь Симеонов — семь работников. Пашем мы землю отцовскую и дедову, и каждый своему ремеслу обучен!»

Прославляя тех, кто вступает в бой против несправедливости, народные сказки воздают хвалу человеческому уму, смекалке, трудолюбию и доброте.

Семь Симеонов — семь работников

Русская сказка

Жили-были семь братьев, семь Симеонов — семь работников. Вышли они раз на поле пашню пахать, хлеб засевать. В ту пору ехал мимо царь с воеводами, глянул на поле, увидел семь работников, удивился.

— Что, — говорит, — такое? На одном поле семь пахарей, росту одинакового и на одно лицо. Разузнайте, кто такие эти работнички.

Побежали слуги царские, привели к царю семь Симеонов — семь работников.

— Ну, — говорит царь, — отвечайте: кто вы такие и какое дело делаете?

Отвечают ему молодцы:

— Мы — семь братьев, семь Симеонов — семь работников. Пашем мы землю отцовскую и дедову, и каждый своему ремеслу обучен.

— Ну, — спрашивает царь, — кто же какому ремеслу обучен?

Старший говорит:

— Я могу построить железный столб от земли до неба.

Второй говорит:

— Я могу на тот столб полезть, во все стороны посмотреть, где что делается, увидеть.

— Я, — третий говорит, — Симеон-мореход. Тяп-ляп — сделаю корабль, по морю поведу и под воду уведу.

— Я, — говорит четвёртый, — Симеон-стрелец. На лету муху из лука бью.

— Я — Симеон-звездочёт. Звёзды считаю, ни одной не потеряю.

— Я — Симеон-хлебороб. За один день вспашу и посею и урожай соберу.

— А ты кто такой будешь? — спрашивает царь Симеона-младшенького.

— А я, царь-батюшка, пляшу-пою, на дуде играю.

Вывернулся тут воевода царский:

— Ох царь-батюшка! Работнички нам надобны. А плясуна-игреца вели прочь прогнать. Такие нам не надобны. Только зря хлеб едят да квас пьют.

— Пожалуй, — говорит царь.

А Симе он-младшенький поклонился царю, да и говорит:

— Дозволь мне, царь-батюшка, моё дело показать, на рожке песенку сыграть.

— Что ж, — говорит царь, — сыграй напоследок, да и вон из моего царства.

Взял тут Симеон-младшенький берестяной рожок, заиграл на нём плясовую русскую. Как пошёл тут народ плясать, резвы ножки переставлять! И царь пляшет, и бояре пляшут, и стражники пляшут. В стойлах лошади в пляс пошли. В хлевах коровушки притопывают. Петухикуры приплясывают. А пуще всех воевода пляшет. С него пот катится, он бородой трясёт, уже слёзы по щекам льются.

Закричал тут царь:

— Перестань играть, не могу плясать, нет больше моченьки!

Симеон-младшенький говорит:

— Отдыхайте, люди добрые, а ты, воевода, за злой язык, за недобрый глаз ещё попляши.

Тут весь народ успокоился; один воевода пляшет. До того плясал, что и с ног упал. Лежит на земле, словно рыба на песке. Бросил Симеон-младшенький берестяной рожок.

— Вот, — говорит, — моё ремесло!

Ну, царь смеётся, а воевода зло

затаил. Вот царь и говорит:

— Ну, старший Симеон, покажи своё мастерство!

Взял старший Симеон молот в пятнадцать пудов, сковал железный столб от земли до синего неба. Второй Симеон на тот столб полез, во все стороны поглядывает. Царь ему кричит:

— Говори, что видишь?

Отвечает второй Симеон:

— Вижу — на море корабли плавают, вижу — на поле хлеба зреют.

— А ещё что?

— Вижу — на море-океане, на острове Буяне, в золотом дворце Елена Прекрасная у окошка сидит, шёлковый ковёр ткёт.

— А она какова? — царь спрашивает.

— Такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Под косой месяц, на каждой волосине по жемчужине.

Захотел тут царь Елену Прекрасную себе в жёны добыть. Хотел за ней сватов посылать. А злой воевода царя подучивает:

— Пошли, царь-батюшка, за Еленой Прекрасной семь Симеонов. Они великие искусники. А не привезут царевну прекрасную — вели их казнью казнить, головы рубить.

— Ну что ж, пошлю! — царь говорит.

И велел он семи Симеонам Елену Прекрасную добыть.

— А то, — говорит, — мой меч — ваши головы с плеч!

Что тут делать? Взял Симеон-мореход острый топор, тяп-ляп — да и сделал корабль, снарядил, оснастил, на воду пустил. Нагрузили на корабль товары разные, подарки драгоценные, а царь велит воеводе злому с братьями ехать, за ними надсматривать. Побелел воевода, а делать нечего. Не рыл бы другому яму — сам бы в неё не попал.

Вот на корабль сели — паруса зашумели, волны заплескали, и поплыли по морю-океану к острову Буяну.

Долго ли, коротко ли ехали — до чужого царства доехали.

Пришли к Елене Прекрасной, принесли подарки драгоценные, стали за царя сватать.

Елена Прекрасная подарки принимает, рассматривает. А злой воевода ей на ухо шепчет:

— Не ходи, Елена Прекрасная, царь стар, не удал! В его царстве волки воют, медведи бродят.

Разгневалась Елена Прекрасная, сватов с глаз прогнала.

Что тут делать?

— Ну, братцы, — говорит Симеон-младшенький. — Вы на корабль идите, паруса поднимите, в путь-дорогу готовьтесь, хлеба запасите, а моё дело царевну добыть.

Тут Симеон-хлебороб за один час морской песок вспахал, рожь посеял, урожай снял, на всю дорогу хлеба напёк. Корабль изготовили, стали Симеона-младшенького дожидать.

А Симеон-младшенький ко дворцу пошёл. Сидит Елена Прекрасная у окна, шёлковый ковёр ткёт. Сел Симеон-младшенький под окошечком на лавочку, такую речь повёл:

— Хорошо у вас на море-океане, на острове Буяне, а на Руси-матушке в сто крат лучше! У нас луга зелёные, реки синие! У нас поля бескрайние, у заводов берёзки белые, в лугах цветы лазоревые. У нас заря с зарёй сходится, месяц на небе звёзды пасёт. У нас росы медвяные, ручьи серебряные. Выйдет утром пастух на зелёный луг, заиграет в берестяной рожок, и не хочешь, а за ним пойдёшь...

Заиграл тут Симеон-младшенький в берестяной рожок. Вышла Елена Прекрасная на золотой порог. Симеон играет, сам по саду идёт, а Елена Прекрасная за ним вослед. Симеон через сад — и она через сад. Симеон через луг — и она через луг. Симеон на песок — и она на песок. Симеон на корабль — и она на корабль.

Тут братья быстренько сходни сбросили, корабль повернули, в сине море поплыли.

Перестал Симеон на рожке играть. Тут Елена Прекрасная очнулась-огляделась: кругом море-океан, далеко остров Буян.

Грянулась Елена Прекрасная о сосновый пол, полетела в небо голубой звездой, среди других звёзд затерялась. Выбежал тут Симеон-звездочёт, посчитал на небе звёзды ясные, нашёл звезду новую. Выбежал тут Симеон-стрелец, пустил в звезду золотую стрелу. Скатилась звезда на сосновый пол, снова стала Еленой Прекрасной. Говорит ей Симеон-младшенький:

— Не беги от нас, царевна, от нас никуда не спрячешься. Если так тебе тяжело с нами плыть, отвезём тебя лучше к тебе домой, пускай нам царь головы рубит.

Зажалела Елена Прекрасная Симеона-младшенького:

— Не дам тебе, Симеон-певец, за себя голову рубить. Поплыву лучше к старому царю.

Вот они день плывут и другой плывут. Симеон-младшенький от царевны на шаг не отходит, Елена Прекрасная с него глаз не сводит.

А злой воевода всё примечает, злое дело затевает. Вот уже дом близок, берега видны. Созвал воевода братьев на палубу, подал им чару сладкого вина:

— Выпьем, братцы, за родную сторону!

Выпили братья сладкого вина, легли на палубе кто куда, заснули крепко-накрепко. Не разбудит их теперь ни гром, ни гроза, ни материнская слеза: было в том вине сонное зелье подмешано.

Только Елена Прекрасная да Симеон-младшенький того вина не пили.

Вот доехали они до родной стороны. Спят старшие братья непробудным сном. Симеон-

младшенький Елену Прекрасную к царю снаряжает. Оба плачут-рыдают, расставаться не хотят. Да что поделаешь? Не давши слово — крепись, а давши слово — держись.

А злой воевода вперёд к царю побежал, ему в ноги пал:

— Царь-батюшка, Симеон-младшенький на тебя зло таит — тебя убить хочет, царевну себе забрать. Вели его казнить.

Только Симеон с царевной к царю пришли, царь царевну с почётом в терем проводил, а Симеона велел в тюрьму посадить.

Закричал Симеон-младшенький:

— Братцы мои, братцы, шесть Симеонов, выручайте своего младшенького!

Спят братья непробудным сном.

Симеона-младшенького в тюрьму бросили, железными цепями приковали.

Утром-светом повели Симеона-младшенького на лютую казнь. Царевна плачет, жемчужные слёзы льёт. Злой воевода ухмыляется.

Говорит Симеон-младшенький:

— Царь немилостивый, по старому обычаю исполни ты мою просьбу смертную: дозвожь последний раз на рожке сыграть.

Злой воевода голосом кричит:

— Не давай, царь-батюшка, не давай!

А царь говорит:

— Не нарушу обычаи дедовские. Играй, Симеон, да поскорей — заждались палачи, затупились у них острые мечи.

Заиграл младшенький в берестяной рожок.

Через горы, через доли рожок тот слышен, долетел рожок до корабля. Услыхали его братья старшие. Пробудились, встрепнулись, говорят:

— Знать, беда стряслась с нашим младшеньким!

Побежали они к царскому дворцу. Только схватились палачи за острые мечи, хотели Симеону голову рубить, — отколь ни возмись идут старшие братья: Симеон-плотник, Симеон-звездочёт, Симеон-хлеброб, Симеон-мореход, Симеон-стрелец, Симеон-кузнец.

Наступили они силой грозной на старого царя:

— Отпусти на волю нашего младшенького и отдай ему Елену Прекрасную.

Испугался царь и говорит:

— Берите братца младшенького, да и царевну в придачу, она мне и так не нравится. Забирайте

её скорей.

Ну и был тут пир на весь мир. Попили, поели, песен попели. Потом взял Симеон-младшенький свой рожок — плясовую песню завёл.

И царь пляшет, и царевна пляшет, и бояре пляшут, и боярышни. В стойлах лошади в пляс пошли, в хлевах коровушки притопывают. Петухи-куры приплясывают.

А пуще всех воевода пляшет. До того плясал, что упал — и дух из него вон.

Свадьбу сыграли, за работу принялись. Симеон-плотник избы ставит; Симеон-хлебобороб хлеб сеет; Симеон-мореход по морям плавает; Симеон-звездочёт звёздам счёт ведёт; Симеон-стрелец Русь бережёт; Симеон-кузнец подковы куёт... На всех работы на Руси-матушке хватит.

А Симеон-младшенький песни поёт, на рожке играет — всем душу веселит, работать помогает.

Про бедного человека и вороньего царя

Украинская сказка

Жил да был на свете бедный человек. И не было у него ничего, кроме тесной хаты, полоски земли да двух маленьких лохматых волов.

А ещё была у него жена с целой оравой детей, которые весь день пищали, кричали и просили есть.

Пошёл как-то раз бедный человек в поле и взял с собой самого младшего сына.

Стал он землю пахать. Только вспахал две борозды, как вдруг небо над ним потемнело, будто ночь наступила.

Поднял он голову — взглянуть, что это за туча небо заслонила, и увидел над собой невиданную птицу. Клюв у птицы, как копьё острое, когти, как крючья, а крылья такие огромные, что солнце закрыли.

Испугался бедный человек. А птица села на поле и накрыла своими крыльями его самого, и сына его, и волов, и плуг.

Но ещё больше испугался он, когда птица заговорила человеческим голосом:

— Скажи-ка, человек, что мне взять у тебя — сына или волов, а то мои детки очень голодны?

— Бери меня! — сказал бедный человек. — Я уже стар и довольно намучился на этом свете.

— Нет, — отвечает страшная птица, — тебя мне не нужно. Слишком ты много табака искурил. Твоё мясо прокоптилось, и детки мои от него захворают. Давай или сына, или волов.

Задумался бедный человек: что делать? Детей у него куча, если и отдать одного сына, всё равно много останется. А волов только два. Как он без них поле допашет, на чём дров привезёт, чем на хлеб заработает?

А птица торопит:

— Ты долго не раздумывай. Отвечай, кого мне отдаёшь?

Тут стала она землю под собой когтями скрести. Глянул человек на эти когти и пожалел сына. «Будь что будет! Не отдам я своё дитя в эти страшные когти».

— Бери волов, — сказал он печально.

— Твоё счастье, что отдал волов, а не сына. А то я тебя вместе с волами сжила бы со света, — ответила птица. — И знай, за волов я тебе хорошо заплачу. Пришли ко мне во дворец одного из своих сыновей, я дам ему всё, что он пожелает.

— А где твой дворец? — спрашивает бедный человек.

— Дворец мой за зелёными горными лугами, за густыми дремучими лесами, на серебряной поляне. Пусть только спросит твой сын, где живёт Вороний царь. — С этими словами птица схватила лохматых волов вместе с плугом и улетела.

Печальный вернулся домой бедный человек.

— Куда это твои волы делись? — спрашивает жена.

Рассказал ей человек, что с ним приключилось. Заплакала она:

— Что теперь с нами будет? Как же хлеб уродится, если ты поле не вспахал, зерно не посеял?

— Не плачьте, мама, — сказал старший сын. — Вот я пойду сейчас к Вороньему царю, пусть он заплатит за волов. А не вернусь — лишняя краюшка хлеба останется.

Ещё больше расплакалась бедная женщина:

— Не ходи никуда, сынок! Ещё съест тебя эта страшная птица. А кусок хлеба в доме и для тебя найдётся.

Но сын не стал её слушать.

Испекла ему мать лепёшку, положила в котомку луковицу, попрощалась перед дальней дорогой.

И пошёл старший сын искать те луга зелёные да леса дремучие, где на серебряной поляне стоит дворец Вороньего царя.

Прошёл он один горный луг, прошёл другой и очутился в густом лесу. Захотелось ему есть. Уселся старший сын под кустом, достал из котомки лепёшку и луковицу. Только откусил первый кусок, видит — перед ним старая хромая ворона скачет, подпрыгивает на одной ноге.

— Желаю счастья! — говорит ворона.

— И тебе того же! — отвечает старший сын.

Подскочила ворона поближе и просит:

— Не дашь ли мне кусочек лепёшки? Я очень голодна.

— Найди себе сама, — отвечает старший сын. — Я тоже голоден, а идти ещё долго. Ничего не могу тебе дать!

— Куда же ты идёшь? — спрашивает ворона.

— Ищу серебряную поляну, где стоит дворец Вороньего царя.

— Я тоже туда спешу, да только ни крылья, ни ноги мне уже не служат. Возьми меня на плечо, а я тебе за это дорогу укажу.

— Как я тебя понесу, когда сам еле ноги тащу, — ответил старший сын.

Хромая ворона подпрыгнула, взмахнула крыльями, поднялась и полетела.

— Ишь, какая хитрая! На моих плечах хотела проехаться! — рассердился старший сын. Положил в котомку остатки лепёшки и отправился дальше искать серебряную поляну и дворец Вороньего царя.

Но ни серебряной поляны, ни дворца он не нашёл. Заблудился в лесу и не смог из него выйти.

А бедный человек с женой ждут-пождут, когда же вернётся сынок, да никак не дождутся. Дни и ночи проходят, а о нём ни слуху ни духу.

Тогда говорит средний сын:

— Испеките мне, мама, лепёшку на дорогу, положите в котомку луковицу, дайте мне палку, пойду я искать брата. Может быть, удастся мне найти и серебряную поляну, и дворец Вороньего царя и плату с него получить.

— Не ходи никуда, сынок! — просит мать. — Мы и без его платы как-нибудь проживём. А брат, если ему суждено, и так вернётся.

Не смогла она отговорить среднего сына. Пришлось и его проводить в дорогу.

Идёт средний сын зелёными лугами да густыми лесами. Идёт и видит — вороны летают.

И подумал он: «Наверно, где-нибудь здесь дворец Вороньего царя».

А кругом густой лес. Проголодался средний сын, сел под кустом, вынул из котомки лепёшку, луковицу и стал есть. Вдруг перед ним появилась старая хромая ворона.

Стала ворона просить, чтоб он кинул ей лепёшки.

— Твой царь забрал у нас волов, пусть он тебя и кормит! — ответил средний сын.

— Тогда хоть возьми меня на плечо, чтобы я, хромая и голодная, в лесу не пропала.

А сын отвечает:

— Пускай тебя твой царь берёт на свои плечи!

Тут ворона подпрыгнула, взмахнула крыльями и улетела.

Средний сын с удивлением поглядел ей вслед, поднялся и пошёл. Но и он не нашёл ни серебряной поляны, ни Вороньего царя. Заблудился в лесу и не смог из него выйти.

Ждут-пождут бедный человек с женой своих сыновей и не могут дождаться. Ни слуху о них, ни

духу.

Тогда говорит матери младший сын:

— Соберите, мама, и мне котомку. Может быть, я найду братьев и от Вороньего царя плату привезу.

Заплакала бедная женщина, стала сына отговаривать. Да напрасно. Пришлось и его отпустить в дорогу.

Шёл, шёл младший сын горными лугами да дремучими лесами. Проголодался. Уселся он под тем самым кустом, где сидели когда-то братья, и стал есть.

Не успел проглотить первый кусок хлеба, как явилась хромая ворона. Прыгает на одной ноге, просит:

— Дай и мне кусочек!

Младший сын тут же отрезал добрый кусок и отдал вороне:

— Ешь, бедняга! Мне хватит. Да и скучно есть одному.

— А луку не дашь? — спрашивает ворона.

— Почему бы не дать? С удовольствием дам, если хочешь.

Съела ворона хлеб, съела луковицу. Поблагодарила мальчика и спрашивает:

— Куда это ты собрался? Знаешь ли ты, что из этого леса ещё ни одна живая душа не выходила?

— Мне нужно попасть на серебряную поляну, — ответил младший сын. — На той поляне стоит серебряный дворец, а во дворце живёт Вороний царь. Наверно, там и мои братья.

— Возьми меня к себе на плечо, а то я не могу ступить на ногу и крылья у меня слабые! — просит ворона.

— Почему же не взять? Я ещё никогда ворон на плечах не носил, — усмехнулся мальчик и посадил ворону на плечо.

Пошли они дальше. Ворона сидит на плече и путь указывает:

— Иди направо! Иди налево! Иди прямо!

Шли они так два дня и две ночи. Прошли один густой лес, прошли другой. Вдруг впереди засветлело, и скоро они очутились на широкой поляне. Что это за поляна! И трава на ней, и цветы, и даже камни — всё из чистого серебра.

Посреди поляны — высокая скала, тоже серебряная, а на самой вершине скалы — чудесный дворец.

Младший сын остановился как зачарованный. Даже во сне не видал такой красоты.

Сели они с вороной на краю поляны, съели всё, что осталось в котомке.

И говорит хромая ворона:

— Там, на скале, стоит дворец моего царя. Дорогу к нему ты и сам найдёшь. А за то, что ты был так добр ко мне, я дам тебе совет. Когда мой царь станет тебя спрашивать, какую плату ты хочешь получить за волов, не проси у него ничего, кроме того, что он кладёт себе под голову, когда ложится спать.

С этими словами ворона исчезла.

Взобрался младший сын на скалу. Здесь его встретила стража и привела прямо к серебряному трону, на котором сидел Вороний царь.

— Как ты нашёл сюда дорогу? — спрашивает он.

— Добрые люди указали, — ответил младший сын. Он не хотел выдавать хромую ворону.

— Ну, если уж ты смог до меня добраться, я должен сдержать своё слово. Осмотри все мои палаты: что тебе больше всего понравится, то и получишь.

Три дня и три ночи ходил сын бедного человека по царским хоромам, но и десятой части дворца не обошёл. Приходит он к Вороньему царю и говорит:

— Чудесные у тебя, царь, палаты. Многое мне там понравилось. Да что я стану делать с таким богатством? Дай мне лучше то, что кладёшь себе под голову, когда ложишься спать.

Рассердился Вороний царь. «Откуда мальчишке известно про это? Не иначе, какая-нибудь из ворон посоветовала». И в гневе приказал он отрубить головы всем воронам, что ходили с мальчиком по палатам.

Стал царь уговаривать сына бедного человека, чтобы он отказался от своей просьбы.

— Я дам тебе волов и столько золота, сколько они смогут на возу увезти.

— Нет, дай мне только то, что ты кладёшь под голову, когда ложишься спать!

— Хочешь, возьми всё, что есть в моих палатах! — предложил Вороний царь.

Но мальчик стоял на своём.

Что было делать Вороньему царю?

Вынул он из-под подушки маленькую мельничку, на каких кофе мелют, и отдал мальчику. А потом закричал сердито:

— Вот тебе то, что ты хочешь, только убирайся с глаз долой, а то как бы я тебя не заклевал!

Положил маленький сын мельничку в котомку и пустился бежать из вороньего царства. Остановился он только тогда, когда снова очутился в густом лесу.

Сел он отдохнуть, положил перед собой мельничку и ищет, не осталось ли в котомке хоть кусочка хлеба. Но в котомке было пусто.

«Глупый совет дала мне хромая ворона, — подумал мальчик. — На что мне эта мельничка? Лучше бы я взял золото или хотя бы еды побольше. А то помру с голоду и до дома не доберусь».

Но тут он вспомнил, что Вороний царь был готов отдать за мельничку все свои богатства, и стал с интересом её рассматривать. С виду мельничка — вроде простая, с ручкой на боку. «Вот если бы передо мной явился такой стол, как во дворце у Вороньего царя — с кушаньями да с напитками», — подумал младший сын и невзначай крутнул ручку мельнички.

В тот же миг перед ним и правда появился стол, богато убранный и уставленный всякими яствами.

— Гляди-ка, что моя мельничка умеет! — удивился и обрадовался мальчик. Но тут же опять загрустил: «Я тут один буду есть да пить, а дома мать, и отец, и братья с сёстрами голодные сидят».

Покрутил он опять ручку мельнички и говорит:

— Пусть явятся сюда все мои братья и сёстры и отец с матерью!

Только он это сказал, как за столом оказалась вся его семья — мать и отец, сёстры и братья. Они принялись есть и до тех пор не вставали из-за стола, пока всё не съели.

Потом все благополучно вернулись домой и жили хорошо и счастливо. Чего только пожелают — мельничка им всего наметет.

А если вы не верите — зайдите в их хату и спросите. Захотят — сами всё расскажут.

Лёгкий хлеб

Белорусская сказка

Косил мужик траву на лугу. Уморился и сел под кустом отдохнуть. Достал узелок, развязал и принялся за еду.

Выходит из лесу голодный волк. Видит — мужик под кустом сидит и что-то ест.

Подошёл к нему волк, спрашивает:

— Ты что ешь?

— Хлеб, — отвечает мужик.

— А вкусный он?

— Страсть какой вкусный!

— Дай мне попробовать.

— Милости прошу!

Отломил мужик кусок хлеба и дал волку.

Понравился волку хлеб. Он и говорит:

— Хотел бы я каждый день есть хлеб, только где его доставать? Посоветуй!

— Ладно, — говорит мужик, — научу тебя, где и как хлеб доставать.

И начал он учить волка:

— Перво-наперво надо землю вспахать...

— Тогда и хлеб будет?

— Нет, брат, погоди. Потом надо землю забороновать...

— И можно хлеб есть? — обрадовался волк и хвостом замахал.

— Ишь ты, какой скорый! Сначала надо рожь посеять.

— Тогда будет хлеб? — облизнулся волк.

— Нет ещё! Дождись, покуда рожь взойдёт, холодную зиму перезимует, весной вырастет, потом заколосится, потом начнёт зерно наливаться, потом зреть...

— Ох, — вздохнул волк, — уж больно долго ждать надо! Ну, а когда созреет зерно, тогда-то я наемся хлеба вволю?

— Где там наешься! — говорит мужик. — Раненько ещё! Сначала спелую рожь надо сжать, потом в снопы связать, а уж снопы в крестцы поставить. Ветер их провеет, а солнышко просушит, вот тогда вези на ток.

— И есть хлеб буду?

— Какой нетерпеливый! Первым делом надо снопы обмолотить, зерно в мешки собрать, мешки на мельницу отвезти да муки намолоть...

— И всё?

— Нет, не всё. Из муки надо тесто замесить и ждать, покуда тесто взойдёт. Тогда в горячую печь сажать.

— И хлеб испечётся?

— Ага, спечётся. Вот тогда и наешься вволю, — закончил мужик.

Задумался волк, почесал затылок и говорит:

— Нет! Эта работа не по мне — и долго, и хлопотно, и трудно. Ты лучше посоветуй, как лёгкий хлеб добывать.

— Ну что ж, — говорит мужик, — если не хочешь трудный хлеб есть, ешь лёгкий. Иди на выгон, там конь пасётся.

Пошёл волк на выгон. Увидел коня:

— Конь, конь, я тебя съем!

— Что ж, — говорит конь, — ешь. Только сначала сдери с моих ног подковы, чтоб не поломать об них зубы.

— И то правда, согласился волк.

Пригнулся он подковы сдирать, а конь как лягнёт его копытом!

Перекувырнулся волк — да ходу.

Прибежал к реке. Видит — гуси на берегу пасутся. «Не съесть ли мне их?» — думает волк. Потом говорит:

— Гуси, гуси, я вас съем!

— Что ж, — отвечают гуси, — ешь. Только сначала окажи нам услугу.

— Какую? — спрашивает волк.

— Спой нам песню, а мы послушаем.

— Это можно! Песни петь я мастер.

Сел волк на кочку, задрал голову и начал выть. А гуси — порх-порх крыльями, -с места снялись и улетели.

Слез волк с кочки, поглядел им вслед и пошёл дальше ни с чем.

Идёт, ругает себя: «Ну не дурень ли я, а? И зачем только я взялся петь гусям! Ну, уж теперь кого ни встречу — съем!»

Только он так подумал, смотрит — бредёт по дороге старый дед. Волк — к нему:

— Дед, дед, я тебя съем!

— Куда торопиться? — говорит дед. — Давай сначала табачку понюхаем.

А вкусный он?

— Попробуй, так будешь знать.

— Давай!

Вынул дед из кармана табакерку — сам понюхал и волку дал.

Потянул волк носом изо всех сил — да весь табак и вдохнул в себя. А потом давай чихать на весь лес... Ничего от слёз не видит, всё чихает. Больше часу чихал, покуда прочихался. Оглянулся — а уж деда и след простыл.

Пошёл волк дальше.

Шёл он, шёл, смотрит — овцы на лугу пасутся, а пастух спит. Высмотрел волк самого крупного барашка, схватил его и говорит:

— Баран, баран, я тебя съем!

— Что ж, — говорит баран, — видно, такая моя доля. Становись-ка в ту лоцинку да разинь пасть пошире. А я взбегу на пригорок, разгонюсь и сам вскочу тебе в рот.

— Спасибо за совет, — сказал волк, — так и сделаем.

Стал он в лошадку, разинул пасть, ждёт. А баран взбежал на пригорок, разогнался да трах волка рогами! У того аж искры из глаз посыпались.

Очухался волк, покрутил головой и говорит:

— Не пойму: съел я его или не съел?

А в это время тот самый мужичок с косьбы домой возвращался.

Услышал он Волковы слова и говорит:

— Съесть ты его не съел, а лёгкого хлеба отведал.

Догадливые братья

Узбекская сказка

Жил бедный человек, и было у него три сына.

Часто он говорил своим сыновьям:

Дети мои! Нет у нас ни стада, ни золота, нет никакого другого имущества. Собирайте себе другие богатства: старайтесь больше узнать, больше понять. Ничего не оставляйте без внимания. Пусть вместо больших стад будет у вас большая сметливость, а вместо золота — светлый ум. С такими богатствами вы нигде не пропадёте и будете жить не хуже других.

Много ли, мало ли прошло времени —старик умер. Собрались братья, посоветовались и решили:

Нечего нам здесь делать. Пойдём-ка лучше странствовать по свету. Наймёмся в чужих краях в пастухи или в батраки с голоду не умрём!

Собрались и пошли.

Шли братья по пустынным долинам, переваливали через высокие горы. Шли долго — сорок дней шли.

Съели они всё, что у них было, устали сильно, а конца пути всё не видно. Отдохнули братья и отправились дальше.

Наконец увидели они деревья, башни, дома — это был какой-то большой город.

Обрадовались братья, зашагали быстрее.

— Ну, — говорят, — плохое — позади, хорошее — впереди!

Вблизи города старший брат вдруг остановился, взглянул на землю и сказал:

— Недавно здесь шёл большой верблюд.

Прошли они немного — средний брат посмотрел по обе стороны дороги и сказал:

— Верблюд этот был кривой.

Ещё немного прошли — младший сказал:

— На этом верблюде ехала женщина с маленьким ребёнком.

— Верно! — сказали старший и средний.

Пошли братья дальше. Скоро их настиг верховой.

Старший брат взглянул на него и спросил:

— Пропажу разыскиваешь, всадник?

Придержал верховой своего коня.

— Пропажу разыскиваю! — отвечает.

— Верблюд пропал? — старший брат спрашивает.

— Верблюд, — отвечает верховой.

— Большой?

— Большой!

— Верблюд твой был кривой на левый глаз? — спрашивает средний брат.

— Да, он был кривой на левый глаз.

— А на верблюде ехала женщина с маленьким ребёнком? — спрашивает младший брат.

Верховой с подозрением взглянул на братьев и говорит:

— Ну, значит, мой верблюд у вас! Говорите: куда вы его дели?

— А мы твоего верблюда даже и не видели! — ответили ему братья.

— А если не видели, откуда же вы знаете все его приметы? — спрашивает верховой.

— Мы наблюдательные люди и догадались обо всём об этом. Поезжай скорее вон в ту сторону, там и разыщешь своего верблюда, — ответили ему братья.

— Нет, — сказал хозяин верблюда, — не поеду я в ту сторону! Верблюд мой у вас, отдайте мне его!

— Да не видали мы твоего верблюда! — воскликнули братья.

Но верховой не захотел и слушать их. Он вытащил из-за пояса саблю, стал размахивать ею и велел братьям идти впереди него. Так он пригнал братьев прямо ко дворцу падишаха той страны.

Передал он братьев в руки стражников, а сам пошёл к падишаху и сказал ему:

— Я перекочёвывал со своим скотом в горы, а жена моя с маленьким сыном ехала на большом кривом верблюде. Она отстала, сбилась с дороги и где-то потерялась. Я поехал искать её и нагнал каких-то трёх прохожих. Эти прохожие увели верблюда и, наверно, убили мою жену и

ребёнка!

Падишах выслушал его и спросил:

— Как же ты узнал об этом?

— Прохожие сами рассказали мне, что верблюд был большой, кривой и что на нём ехала женщина с ребёнком маленьким.

Падишах подумал и сказал:

— Если ты им ничего не говорил и они сами описали все приметы твоего верблюда, значит, верблюд у них. Веди этих воров сюда!

Хозяин верблюда вышел и вернулся с тремя братьями.

— Эй, воры! — грозно закричал падишах. — Отвечайте: куда вы девали верблюда этого человека?

— Мы не воры и никогда не видели его верблюда, — ответили братья.

Падишах сказал:

— Хозяин ни о чём вас не спрашивал, вы сами рассказали ему обо всех приметах верблюда. Как же вы смеете теперь отказываться?

— О падишах, — ответили ему братья, — в этом нет ничего удивительного! Мы с детства привыкли ничего не оставлять без внимания, мы много учились наблюдать и размышлять. Поэтому мы и узнали все приметы верблюда, хотя самого верблюда не встречали.

Падишах рассмеялся и спросил:

— Можно ли знать так подробно о том, чего никогда не видел?

— Можно, — сказали братья.

— А вот мы сейчас проверим, правду ли вы говорите!

Тут падишах подозвал своего визиря и что-то тихо сказал ему на ухо.

Визирь тотчас вышел из дворца и скоро вернулся назад с двумя слугами, которые несли на носилках большой сундук. Слуги осторожно поставили сундук перед дверью, на виду у падишаха, и отошли в сторону. Братья издали наблюдали за тем, откуда слуги несли сундук, как они несли его, как ставили на пол.

— Эй, воры, угадайте-ка, что в этом сундуке! — молвил падишах.

Старший брат сказал:

— О падишах, мы уже сказали тебе, что мы не воры, а в этом сундуке лежит маленький круглый предмет.

— Это гранат, — добавил средний брат.

— Он ещё не очень спелый, — сказал младший.

Падишах крикнул:

— Несите сюда сундук!

Слуги поднесли сундук к падишаху. Падишах приказал открыть крышку и заглянул в сундук. И правда: в большом сундуке лежал один незрелый гранат.

Изумлённый падишах взял гранат и показал его всем присутствующим. Потом он обратился к хозяину потерявшегося верблюда и сказал:

— Нет, эти люди не воры! Они и вправду очень сообразительны. Иди ищи своего верблюда в другом месте!

Все, кто был с падишахом, дивились наблюдательности и догадливости братьев. Но больше всех дивился сам падишах. Он приказал принести разные яства и стал угощать братьев.

— За вами нет никакой вины, — сказал он. — Вы можете идти, куда хотите. Но прежде расскажите мне всё по порядку: как вы узнали, что этот человек потерял верблюда, и как вы узнали все приметы этого верблюда?

Старший брат сказал:

— По крупным следам на пыли я узнал, что перед нами прошёл большой верблюд, и потому догадался, что этот человек, нагнавший нас и оглядывавшийся во все стороны, ищет верблюда.

— Это верно, — заметил падишах. — А кто из вас сказал, что верблюд кривой на левый глаз?

Тут встал средний брат и ответил:

— Об этом сказал я!

— Как ты мог узнать, что верблюд кривой на левый глаз? Ведь примета не могла отложиться на дороге!

— Я догадался об этом потому, что по правую сторону дороги трава была объедена, а с левой стороны вся трава была не тронута, — ответил средний брат.

— И это верно, — сказал падишах. — А кто из вас узнал, что на верблюде ехала женщина с маленьким ребёнком?

— Я узнал это! — ответил младший брат. — Я заметил, что верблюд становился на одном месте на колени, а сбоку, на песке, остался след мягких женских сапожек. А по другому, меньшему, следу я узнал, что с женщиной был ребёнок.

Падишах сказал:

— Всё это правда! Но как вы узнали, что в сундуке был один незрелый гранат? Этого я уж никак не могу понять!

— Сундук несли двое слуг, — ответил старший брат, — но было заметно, что он совсем не тяжёлый. Когда слуги опускали сундук на пол, я услышал, что с одной стороны на другую перекатился какой-то небольшой круглый предмет.

Средний брат сказал:

— А я подумал: сундук принесли из сада, в нём находится небольшой круглый предмет — значит, это должен быть гранат. Ведь возле твоего дворца растут гранатовые деревья!

— Верно! — сказал падишах.

Затем он обратился к младшему брату и спросил:

— Но как же ты мог узнать, что это неспелый гранат?

— Сейчас такое время года, — сказал младший брат, — когда все гранаты ещё зелёные. В этом ты можешь убедиться сам!

И он указал падишаху на открытое окно.

Падишах взглянул в окно и увидел в своём саду гранатовые деревья, покрытые незрелыми плодами.

Удивился падишах наблюдательности и догадливости трёх братьев и воскликнул:

— Ну, не богаты вы деньгами да имуществом, зато богаты светлым разумом!

Мастер Али

Казахская сказка

Много лет назад жил на свете хан. Он был такой жестокий и злой, что люди боялись даже в разговоре произносить его имя. А если случалось ему проезжать по дорогам, то жители убегали из селений в степи и прятались, где могли, чтобы только не попасть ему на глаза. Близких слуг своих он казнил без жалости за всякую провинность. Друзей у него не было: никто из окрестных ханов не решался быть в дружбе с таким жестоким и свирепым соседом.

Жена хана давно умерла с горя и тоски. Но у хана остался сын — молодой человек замечательной красоты и ума. Звали его Хусайн. Это было единственное существо, которое любил хан.

Много друзей и товарищей было у Хусайна. С ними он скакал по степям, выезжал на соколиную охоту, состязался в стрельбе из лука. Но больше всего любил смелый Хусайн уезжать в горы на охоту за дикими зверями. Сколько раз возвращался он домой радостный и довольный, а слуги несли за ним его добычу.

Старый хан беспокоился за сына и не любил, чтобы тот далеко уезжал в горы.

— Незачем тебе показывать свою удаль в этих опасных забавах, — повторял он, встречая сына.

Но Хусайн только смеялся. Он был уверен в своей силе и ловкости. Долгое время всё шло хорошо.

Но вот однажды Хусайн снова собрался на охоту в горы. На этот раз он отправился один, не взяв с собой никого из слуг. Только своему любимому старому конюху он сказал, что едет за диким вепрем, который недавно появился в этих местах. Испугался старый конюх:

— Берегись, Хусайн, как бы не напал на тебя этот зверь!

Засмеялся юноша:

— Полно, старик, не бойся. Разве в первый раз я отправляюсь на такую охоту!

Стегнул коня — и ускакал. Ускакал Хусайн — и не вернулся.

Вечер наступил. Звёзды зажглись над степью, потянуло запахом полыни. Вышел старый хан из своей шёлковой палатки гневный и хмурый.

— Где Хусайн? Где мой сын?

Молчали слуги, потупили глаза в землю. Боялись они сказать старому хану, куда уехал Хусайн. Снимет с них хан головы за то, что отпустили юношу одного.

Ночь опустилась над степью. Не находит хан себе места от тоски. Топнул он ногой и взмахнул шёлковой плёткой.

— Эй! Слуги!

Сбежались слуги со всех сторон. Стоят, глаза поднять не смеют, ждут, чего от них хан потребует.

— Скачите во все концы: в горы, в степь, вдоль реки. Ищите моего сына! Помните: кто привезёт мне весть, что с Хусайном случилось что-нибудь недоброе, тому я залью глотку кипящим свинцом. Ступайте!

Просвистела ещё раз ханская плётка. Кинулись слуги врассыпную, вскочили на коней, поскакали в степь, в горы искать Хусайна — ханского сына.

Не скоро нашли они бедного юношу. Лежал Хусайн с растерзанной грудью под большим развесистым деревом. Видно, напал на него из-за дерева дикий вепрь и вонзил ему в сердце свои клыки.

В горести и страхе стояли слуги над телом ханского сына: «Что теперь будет? Как сказать хану о страшном несчастье?» Плакали слуги и от горя при виде погибшего юноши, и от страха перед тем, что их ожидает, если принесут хану страшную весть.

И сказал тогда старый конюх:

— Друзья, все вы знаете пастуха Али́, что живёт в хижине у горного ручья. Нищий пастух Али́, а ум и искусство его славятся далеко. Он всё знает и умеет: и кувшины лепит из глины, и арканы для ловли коней плетёт, и новую пастушью свирель придумал. Пойдём к Али́ и спросим, как нам быть.

Пастух Али́ сидел у порога своей хижины и плёл корзину из ивовых прутьев. С горестью выслушал он рассказ старых слуг.

— Мы пришли к тебе, Али́, за помощью, — сказали они, кончив

свою печальную повесть. — Научи, как нам спастись от страшной казни, которая нас ожидает.

Долго думал Али́, поникнув седой головой.

— Хорошо, — сказал он наконец, — до утра ещё далеко. Ложитесь и отдохните здесь у костра. Постараюсь помочь вашей беде.

Растянулись усталые слуги вокруг огня и быстро заснули. А старый Али не спал. Он принёс тонких досок, сухих конских жил и принялся что-то мастерить ножом.

Наутро слуги были разбужены нежной музыкой. Старый пастух Али сидел поджав ноги и держал в руках невиданный прежде музыкальный инструмент. Тонкие струны были натянуты на нём. Али перебирал их пальцами, и инструмент пел в его руках, как живой.

— Теперь идёте к хану, — сказал старый пастух.

Окружённый испуганными слугами, вошёл он в палатку хана.

— Ты принёс мне весть о Хусайне? — грозно спросил его хан.

— Да, великий хан, — ответил Али и заиграл на том музыкальном инструменте, который он смастерил ночью.

Застонали, заплакали струны. Словно жалобный шум леса пронёсся под шёлковым шатром ханской палатки. Резкий свист ветра смешался с воем дикого зверя. Громко

вскрикнули струны, словно человеческий голос, молящий о помощи. И снова звериный рёв и жалобный шум леса...

Ужас охватил всех слушающих — так ясно рассказала музыка о том, что случилось. Хан вскочил с места:

— Ты принёс мне весть о гибели Хусайна? Но ты знаешь, что я обещал вестнику несчастья залить горло горячим свинцом?

— Хан, — спокойно сказал старый пастух, — я ничего не рассказывал тебе. Я не произнёс ни одного слова. Если ты гневаешься, то накажи этот инструмент, который я смастерил и назвал домброй.

Хан в ярости и горе приказал плеснуть свинцом на домбру. И свинец выжег круглое отверстие под струнами.

Так старый Али своей находчивостью и мастерством спас жизнь ханским слугам. А у жителей степей появился с тех пор новый музыкальный инструмент — домбра. Очень полюбили его казахи и стали петь под музыку домбры свои прекрасные песни.

Голубой ковёр

Грузинская сказка

Жил царь. И был у него единственный сын.

Вот вырос царевич, взрослым юношей стал. Глядит на него царь, любит и думает: «Старею я. Надо бы мне царство сыну передать. Хорошо, кабы у него маленький наследник рос. Тогда мог бы я умереть спокойно».

Вот подзывает он однажды царевича к себе и говорит:

— Не время ли тебе, сынок, невесту себе поискать? Пора и своей семьёй обзаводиться.

И повёл его царь в большую залу. Все стены её портретами были увешаны — и на всех портретах девушки, одна другой красивее, одна другой милее.

— Вот, сынок, — говорит царь, — выбирай себе в жёны любую. Которая понравится, к той и посватаемся.

Обошёл царевич всю залу, все портреты разглядел и говорит отцу:

— Нет, батюшка, не могу себе по сердцу ни одной выбрать. Все они красавицы, слов нет. А ни к одной из них у меня душа не лежит. Позволь мне лучше самому всё наше царство обойти.

Может быть, я и встречу свою суженую.

Царь согласился, и отправился царевич в путь.

Ходит он по родной земле, ходит по горам, по виноградникам, в древние города заходит, в деревни заглядывает. Много девушек в его родной стране, много красавиц — и умных, и добрых, но не лежит к ним сердце царского сына.

Но вот однажды в горах, на краю бедного селения, встретил он девушку — стройную, как кипарис, с кудрями, словно коричневый шёлк.

Увидел царевич девушку и понял, что её одну будет любить всю жизнь.

Вошёл он к ней в саклю и сел рядом.

— Выходи за меня замуж, красавица, — просит.

— Кто ты? — девушка спрашивает.

— Я — царевич.

— А что ты умеешь делать? Какое ремесло знаешь?

Удивился юноша:

— Ремесла я не знаю. Я же говорю тебе, что я — царевич.

Засмеялась девушка:

— Быть царевичем — это ещё не занятие. Сегодня ты царевич, а завтра нет, — чем тогда будешь семью кормить? Пойди научись какому-нибудь ремеслу. Научишься — тогда выйду за тебя замуж, а нет — больше не показывайся.

Опустил голову царевич, вышел из сакли печальный. Какому ремеслу научиться — не знает.

Вернулся он во дворец, рассказал отцу о своём горе. Улыбнулся царь.

— Не печалься, сынок. Это дело поправимое.

И приказал он созвать к себе во дворец мастеров-ремесленников со всего царства. Пришли на царский зов кузнецы и печники, бондари и ткачи да плотники. Стоят в золотой зале, ждут

царя, — между собой шепчутся, не знают, зачем их царь призвал.

И вот выходит из покоев царь и с ним царевич. Поклонились им ремесленники.

— Здравствуйте, мастера, — говорит царь. — Собрал я вас сюда вот по какому делу. Хочет мой сын царевич выучиться какому-нибудь ремеслу. Кто из вас может его в науку взять?

Зашептались мастера, головами закачали. Нелёгкая это задача — царского сына простому ремеслу учить.

— Ну, что же, никто не решается? — спрашивает царь.

И подзывает к себе мастера-слесаря, который во дворце

все замки ставил:

— Я знаю, ты хороший мастер. Берёшься обучить царевича слесарному делу?

Растерялся слесарь.

— Отчего не обучить, ваше величество? — отвечает. — Да не знаю, угожу ли.

— А сколько времени нужно, чтобы хорошим слесарем стать? — спрашивает царевич.

Подумал слесарь:

— Да года три нужно...

— Ну, это мне не подходит, — говорит юноша. — Столько времени моя невеста ждать не станет.

Подозвал царь бондаря и спрашивает:

— Сколько времени нужно, чтобы царевича твоему ремеслу обучить?

Низко поклонился бондарь царю:

— Два года, ваше величество.

— Нет, и это слишком долго, — говорит царевич.

Мастера за мастером всех царь опросил. Наконец дошёл до последнего. Это был старый ткач — редкий искусник. Ткал он ковры такой красоты, что любоваться на них из других стран приезжали.

— Ну, а ты, старик, неужели не поможешь? — спрашивает царь.

Подумал старый ткач, потёр лоб:

— Хорошо, ваше величество. Я обучу царевича моему ремеслу.

— А во сколько времени? — спрашивает царевич.

— В три дня, — говорит старик.

— Вот на это я согласен, — обрадовался царевич. — Три дня — срок невелик!

Пошёл царский сын за старым ткачом и пробыл у него три дня. А когда вернулся во дворец — умел он ткать такие ковры, что были они не хуже работ его учителя. Выткал царевич чудесный ковёр и повёз показывать своей невесте.

Приезжает он в селение, входит в саклю, ковёр перед глазами красавицы раскидывает:

— Вот, погляди, чему я научился. Пойдёшь теперь за меня замуж?

— Теперь пойду, — говорит девушка.

Привёз её царевич во дворец. Очень девушка царю и царице понравилась. Благословили они сына, сыграли счастливую свадьбу, и зажил царевич с женой в мире и согласии.

Несколько лет прошло. Умер старый царь, и стал царевич царём.

Вот как-то раз он и говорит жене:

— Хочу я пройти по своей земле, чтобы разузнать и проведать, что подданные про меня говорят, не затевает ли кто измену. Но сделаю я это потихоньку, чтобы никто не знал.

Оделся он в рубище нищего, взял сумку и палку и отправился бродить по стране. А государством без себя управлять жене поручил.

Долго ходил царь по городам и сёлам. Можно бы ему скоро и домой возвращаться.

Да однажды вечером заблудился он в горах и попал в дикое ущелье. Называлось оно Змеиным, и недобрая шла про него слава. Сбился царь с дороги и попал в руки к разбойникам.

Потащили его разбойники в свою пещеру. А царь кричит:

— Не смейте меня трогать! Я — царь.

А разбойники смеются:

— Вот ещё выдумал! Станет наш царь в таких лохмотьях по горам шататься!

— Если ты царь, так давай выкуп! — кричат одни.

— Прикончим его. Что с него взять? — говорят другие.

А царь и отвечает:

— Денег у меня с собой нет, но убивать меня вам всё-таки не выгодно. Я могу соткать такой ковёр, какого ещё никто в государстве не видал. Продадите его — много денег получите.

Задумались разбойники:

— А долго ты ткать будешь?

— Нет, недолго. В три дня всю работу закончу.

— Ладно, — говорят разбойники, — три дня подождать можно. Принимайся живее за работу.

Кинули они царя в подземелье, дали ему шерсти и шёлку.

Принялся царь ковёр ткать.

Ещё и третьи сутки не кончились, как ковёр готов был.

Вышел он, весь голубой, золотыми цветами заткан. По всем четырём краям диковинные узоры бегут, между сказочными цветами невиданные птицы перья распустили. Глянули разбойники на ковёр — так и обомлели.

— Да, такая работа дорого стоит. Повезём его в город продавать.

Взяли они ковёр и поехали в город. Целый день по базарам и по купцам ходили, чудесный ковёр купить предлагали. Да не нашли покупателя. Дивятся все мастерской работе, оценивают ковёр в тысячи рублей, а купить — ни у кого денег не хватает.

Так и вернулись разбойники вечером в горы. Злые вернулись и заходят к царю в подземелье.

— Никто твоего ковра купить не может. Денег даже у купцов не хватает. Ни к чему твой ковёр. Завтра казним тебя.

А царь и говорит:

— Погодите ещё немножко. Поезжайте завтра прямо во дворец и просите, чтобы вас к жене царя допустили. Уж она-то купит мой ковёр.

Подумали разбойники, посудили и согласились.

Утром поехали двое из них в царский дворец.

Приезжают, просят допустить их к царице. А придворные не пускают.

— Занята царица. Не до вас ей.

Развернули тогда ковёр разбойники.

— Поглядите, что мы ей продавать привезли.

Ахнули придворные, в глазах у них зарябило.

— Ну, ради такого чуда придётся о вас доложить.

И пропустили разбойников к царице. А царица грустная сидит, целые дни плачет. Скучает она, беспокоится о муже. Давно все сроки прошли, а царя всё нет и нет.

Вошли разбойники, поклонились:

— Погляди, царица, какой ковёр у нас. Не купишь ли?

Глянула царица на ковёр — и обмерла. Это не узор диковинный, это буквы причудливые по краю ковра вытканы, а из букв надпись выходит:

«Я в плену у разбойников в Змеином ущелье. Присылай помощь, не то меня казнят».

И виду не показала умная царица, что прочитала надпись. Заплатила разбойникам, не торгуясь, сколько они за ковёр спросили. А как только они из комнаты вышли, царица всех

своих главных полководцев к себе потребовала и приказала тотчас в горы отправляться, царя выручать.

Сидят вечером разбойники в своей пещере, делят деньги полученные. И вдруг — шум за дверями, крики, топот: целый отряд военный на ущелье наступает.

Ворвались полководцы в пещеру, стали стены ощупывать, подземный ход искать. Спустились в подземелье — и вышел оттуда царь: бледный, оборванный, в лохмотьях.

Схватили тут разбойников, руки всем связали и в город на суд повезли.

А царица мужа на лестнице во дворце встречает и говорит:

— Уж не думала я тебя в живых увидеть.

Отдохнул царь, поел, умылся, опять своё платье царское надел. Вышел вечером с царицей в сад, сел под розовыми кустами. А царица и говорит ему:

— Ну, что бы ты стал делать, если бы ремесла не знал? Не помогло бы тебе, что ты царь! Убили бы тебя разбойники.

Сообразительная Зарни́яр

Азербайджанская сказка

О ком я вам расскажу? О купце по имени Мамед. Жил он в городе Мисаре и ездил по чужим странам и торговал разными товарами.

Однажды задумал он отправиться в далёкую страну. Накупил множество всяких товаров, нанял слуг, распростился с семьёй и тронулся со своим караваном в путь.

Побывал он в одном месте, побывал в другом и заехал, наконец, в какой-то неведомый город. Здесь Мамед решил передохнуть после долгих странствий и остановился со своими слугами в караван-сарай — заезжем дворе.

Сидит Мамед, ест, пьёт. Подошёл к нему какой-то человек и говорит:

— Эй, купец! Видно, ты прибыл из дальних мест, если не знаешь здешних обычаев.

— А какие же здешние обычаи? — спрашивает Мамед.

— А вот какие: всякий прибывший в этот город купец должен отнести шаху достойный подарок. За это шах приглашает купца к себе вечером в гости и играет с ним в нарды — шашки.

Что делать купцу? Хочешь не хочешь, надо идти. Выбрал он из своих товаров самые драгоценные ткани, разложил их на золотом подносе и отправился к шаху.

Принял шах дары и стал расспрашивать купца: из какого он города родом, какие товары продаёт, где побывал? Рассказал ему Мамед обо всём. Шах выслушал и говорит:

— Приходи ко мне вечером — поиграем в нарды!

Вечером пришёл Мамед к шаху. Смотрит — шах его дожидается, а перед ним нарды стоят.

— Эй, купец! — говорит шах. — Слушай мои условия. Есть у меня учёная кошка. С вечера до утра она может держать на своём хвосте семь светильников. Если моя кошка продержит их, пока мы не кончим игру, всё твоё богатство, все твои товары будут моими, а самого тебя я прикажу связать и бросить в темницу. Если кошка сойдёт с места — вся моя казна перейдёт к тебе, а со мной делай что знаешь и что хочешь!

Что тут делать купцу? Бежать нельзя, спорить невозможно. Пришлось ему принять условия шаха.

Сидит он, ругает себя, что заехал в этот город.

«Недолго здесь и совсем пропасть!» — думает.

А шах стал звать свою учёную кошку.

Пришла кошка, закрутила свой хвост и уселась перед шахом.

— Несите светильники! — приказал шах.

По его приказу слуги принесли семь светильников и поставили кошке на хвост.

Взял шах нарды, начал игру.

Купец передвигает кости, сам на кошку поглядывает. А кошка, словно окаменела — сидит, не шелохнётся.

Так день прошёл и ночь прошла, и ещё два дня и две ночи. Играет Мамёд с шахом в нарды, а кошка сидит как сидела.

Не выдержал, наконец, Мамёд и говорит:

— Не в силах я больше играть! Признаю себя побеждённым!

Шаху только этого и надо. Кликнул он своих слуг и приказывает им:

— Все товары этого купца и всё его золото несите ко мне, а ему самому свяжите руки покрепче и бросьте в темницу!

Схватили слуги Мамёда и сделали всё, что шах им приказал.

Сидит Мамёд в темнице, клянёт себя, что не проехал мимо этого города, ругает про себя и шаха и его учёную кошку...

Теперь мы оставим Мамёда и расскажем о его жене Зарнийр.

Сидит она дома, ждёт мужа, а его всё нет и нет.

«Уж не беда ли с ним случилась?» — думает.

Долго она так жила в тревоге. Наконец прибежал к ней слуга Мамёда, весь оборванный, грязный, и говорит:

— Эй, хозяйка! Захватил какой-то шах нашего хозяина, и все его товары, и всё его золото. Один я убежал, еле спасся. Что теперь делать будем?

Расспросила Зарниёр слугу, что и как было.

После этого приказала она наловить множество мышей и наполнить ими большой сундук. Затем взяла она с собой много серебра и золота, переделалась в мужское платье, подобрала волосы под папаху и отправилась выручать мужа.

Ехала она со своим караваном, нигде не останавливалась и не задерживалась и, наконец, прибыла в тот город, где томился в темнице её муж.

Одним своим слугам она приказала дожидаться в караван-сараяе, а другим велела сопровождать её к шаху.

Взяла она большой золотой чеканный поднос, разложила на нём драгоценные подарки и отправилась во дворец. А слуги её несли за ней сундук с мышами.

Когда подошли они ко дворцу, Зарниёр сказала слугам:

— В то время как я буду играть с шахом в нарды, вы по одной впускайте мышей через дверь в комнату!

Остались слуги с сундуком у двери, а Зарниёр пошла к шаху. Вошла она и говорит:

— Да живёт вечно правитель вселенной! Вот я, по обычаю вашей страны, принёс тебе драгоценный подарок!

Шах принял Зарниёр с большим почётом, угостил лучшими яствами и пригласил сыграть с ним в нарды.

— Какие будут твои условия, властитель вселенной? — спрашивает Зарниёр.

Шах говорит:

— Будем играть до тех пор, пока не сдвинется с места моя учёная кошка!

— А если твоя учёная кошка сдвинется? — спрашивает Зарниёр.

— Тогда я себя признаю побеждённым. Что хочешь, то со мной и делай!

— Хорошо, — говорит Зарниёр, — пусть будет по-твоему!

Кликнул шах свою учёную кошку. Пришла кошка, уселась важно на ковре перед шахом. Тут вошли слуги, внесли семь светильников и поставили ей на хвост.

Стал шах играть с Зарниёр в нарды. Играет, а сам посмеивается и ждёт, когда этот молодой купец себя побеждённым признает.

В это время слуги Зарниёр открыли сундук и впустили в комнату мышонка.

Увидела кошка мышонка, загорелись у неё глаза. Хотела было она тронуться с места, да шах так грозно взглянул на неё, что кошка мигом успокоилась и словно застыла.

Немного спустя, слуги Зарниёр впустили в комнату ещё несколько мышей. Стали мыши бегать по комнате, стали прыгать возле стен. Тут уж учёная кошка не в силах была больше терпеть. Мяукнула она, вскочила, уронила все семь светильников и давай гоняться за мышами!

Сколько шах ни кричал на свою учёную кошку, а она и слушать его не хочет.

Тут Зарнийр кликнула своих слуг. Вбежали они в комнату, связали шаха крепко-накрепко и давай стегать ремнями! До тех пор стегали, пока он пощады не запросил.

— Всех своих пленников выпущу, — кричит, — и всё, что у них отнял, отдам им, только пощадите меня!

Слуги Зарнийр бьют шаха, шах во весь голос кричит, все люди это слышат, а на помощь к нему никто не идёт: всем давно уже надоело терпеть его жестокость да жадность.

Приказала Зарнийр вывести из темницы своего мужа и всех других, кто был там, а шаха в темницу бросить.

После того вернулись они в свой город Мисáр и стали там жить, есть и пить. И вы все ешьте, пейте и живите!

С неба упало три яблока: одно — мне, другое — тому, кто сказку рассказывал, третье — тому, кто сказку слушал!

Как старик на зайце верхом ехал и что из этого вышло

Литовская сказка

Жили-были в Литве в старые времена старик со старухой. Всю жизнь они на помещика батрачили, а как старость пришла — отблагодарил их помещик: велел приказчику меру гороха старикам отмерить.

Ели они этот горох всю зиму. Пришла весна. Вот и решили старики хотя бы горсточку собственного гороха посеять. Надела своего у них не было, избёнка их на панской земле стояла. Вот и выгребла старуха золу из печки, намочила горсточку гороху и посеяли горох под припечком.

И что вы скажете: у других горох, и на земле сеянный, иной раз не всходит, а тут и недели не прошло — зелёные росточки из земли потянулись. Уж и берегла старуха горох свой: и поливала, и пропалывала, и к тычкам подвязывала! Вскорости и стручки зелёные на горохе закачались.

Да вдруг стали примечать старик со старухой, что повадился к ним кто-то по ночам горох воровать. Глядишь — сегодня одного стручка не хватает, завтра — другого.

И решили бедняги разорителя своего подкараулить. Три ночи не спали, но вора подстерегли: оказывается, повадился к ним серый зайчишка горох воровать.

Говорит старик старухе:

— Притаюсь-ка я сегодня у двери с мешком. А ты, как явится вор, возьми хворостину да пугни его как следует. Кинется зайчишка к двери — и тут же в мешок и угодит.

Сказано — сделано. Только стемнело на дворе, зайчишка-воришка уже тут как тут. Шмыг в дверь — и в горох. А тут старуха хворостинной шурх-шурх -испугался зайчишка, кинулся к двери, да не в мешок, а старику под ноги. Зажал его старик коленями, а заяц так и вынес его на дорогу к лесу. Едет старик на зайце верхом, а сам кричит с перепугу. Вдруг зацепился

старик полой за ветку и бряк наземь. А зайчишка скок-поскок — шмыгнул в кусты и был таков.

Поднялся старик, пощупал, целы ли его косточки, и поплёлся к дому. Никогда ещё он ночью по лесу не расхаживал. Идёт-бредёт и вдруг видит чудо: на тропинке лесной две колотушки одна о другую постукивают: «Стукбряк, стук-бряк, друг за дружку будет всяк».

Сунул старик колотушки в свой мешок, идёт дальше. Смотрит — две скрипки под берёзой «пилик-пилик» пиликают — смех, да и только.

Положил старик и скрипки в свой мешок, побрёл дальше, только головой от удивленья покачивает. А дальше перед ним два орешка суктинис заплясали: «Трень-брень, трень-брень, танцевать бы целый день!»

Не выдержал тут старик, расхохотался, а орешки эти тоже с собой прихватил.

Огляделся он по сторонам, видит — лес незнакомый. Верно, старик с дороги сбился. Назад возвращаться неохота, далеко больно зашёл. А впереди как будто расступается лес.

«Может, до жилья какого-нибудь дойду, — думает старик. — Хоть напиться мне дадут — во рту от жажды пересохло».

Двинулся он дальше. Шёл, шёл и дошёл до лесной опушки. Видит — дом белый с колоннами стоит на холме. Никак помещичья усадьба?

«Плохо моё дело, — думает старик, — но ничего, в людскую зайду — авось панские слуги мне глоточка воды не пожалеют».

Пустили панские слуги старика к себе в людскую, накормили его потихоньку от помещика, напоили.

Поблагодарил их старик и решил за угощение народ потешить. Вывалил он из мешка колотушки свои, скрипки да орешков пару, пошли они бречать, наигрывать да плясать. Слуги панские за бока хватаются, на пол от хохоту валятся.

Заглянул на шум в людскую пан приказчик.

— Слушай-ка, дед, — говорит приказчик, — может, это счастье тебе привалило. Панночка наша чудная такая: не только не засмеялась, даже не улыбнулась ещё ни разу в жизни. В годах она уже, а никто её замуж не берёт, а ведь она и умная, и красивая, и приданое за ней большое. Господин помещик даёт. Никому, понятно, неохота с такой «несмеяной» жизнь прожить. Вот и пообещал наш пан: если кто дочку его рассмешит, он тому человеку половину имения своего отдаст.

Является приказчик к барину и докладывает: так и так, сидит, мол, в людской старик, бывший батрак панский, берётся он панночку рассмешить.

Повели старика в панские хоромы, развязал он свой мешок, и пошли колотушки перед барышней постукивать: «Стук-бряк, стук-бряк, друг за дружку будет всяк», скрипки своё стали наигрывать, а орешки под музыку в пляс пустились. Тут как ни закрывалась панночка платочком, а не выдержала — расхохоталась от чистого сердца.

Обрадовался помещик, выхватил у старика мешок со всеми его диковинками. Тут бы и расплатиться надо, половину имения, по уговору, деду отдать, но пана жадность одолела.

Переглянулся он с приказчиком и говорит:

— Э-э-э, дед, да ты, никак, бывший батрак мой? На моей земле на опушке леса живёшь, да ещё осенью тебе ни за что ни про что меру гороха отвалили... И ты, стало быть, мой, и мешок твой — мой, и колотушки твои — мои, и орешки мои...

Видит старик, что пана не переспоришь, а тут ещё приказчик за плечи его берёт да к двери поворачивает.

Поклонился дед барину низко и взмолился:

— Пане ясновельможный, отвалили вы мне гороху немало, это правда. Ели мы его со старухой всю зиму, да ещё малость на посев осталось... Только, пане дорогой, живём мы на вашей земле, и посеять горох нам негде. Не будет ли милость ваша нам со старухой кусочек землицы, хоть лесной, хоть не пахотной, уделить?

Поглядел помещик — дочка его уже и платочком не закрывается, а хохочет от души. Расщедрился пан.

— Ладно, — говорит приказчику, — нарежь ему полоску земли от избы его до опушки. Пускай пни выкорчует, камни вывезет, болото высушит. Отдаю я ему эту землю в вечное пользование без-воз-мезд-но.

Полгода старик пни выкорчёвывал, год камни на плечах таскал, три года болото осушал. Зато как распахал свою полоску, как засеял житом, как развёл огород, стали они со старухой жить-поживать да добра наживать.

И про зайчишку-воришку не забыли — один рядок гороха каждый год для него оставляли. Помнили, как старик на зайце верхом ехал и что из этого вышло.

Как Фэт-Фрумос солнце освободил

Молдавская сказка

Давно ли это было или недавно, о том молчит сказка. Но, верно, очень давно. Великое горе царило тогда на земле. Не всходило поутру солнце, не грело, не светило. Тьма кромешная стояла кругом.

Но прадеды и деды рассказывали, что когда-то тёмная ночь сменялась ясным днём, небо становилось голубым, солнце сияло над землёй. Но потом драконы украли солнце, неведомо куда спрятали.

В ту тяжёлую пору на опушке леса жил бедняк с женой. Ничего-то у них не было. Подчас в доме ни крошки хлеба не сыщешь. А ведь бедняк работающим был человеком.

Однажды пришёл он домой и сказал:

— Сговорились такие же бедняки, как мы с тобой, идти солнце из неволи вызволять. Пойду и я с ними.

Как ни плакала жена, он собрался и ушёл. Да так и не вернулся. Словно в воду канул.

Осталась бы женщина одна-одинёшенька, да вскоре родился у неё сын. Не налюбуется мать на

него.

Дали ему имя Ион, а она иначе как Ионикэ — сынок-красавец его не называла. По-нашему, по-молдавски, это звучит так же ласково: Ионикэ Фэт-Фрумос.

Удивительный был паренёк Ионикэ. Трёх лет ему ещё не было, а он уж принялся матери во всём помогать. Но жили они всё в той же нужде.

И вот спрашивает как-то Ионикэ Фэт-Фрумос у матери:

— Скажи мне, что делал отец? Может, мне тем же делом заняться?

Горько заплакала бедная женщина. Боялась она говорить правду.

Но Фэт-Фрумос снова и снова спрашивал об отце. И наконец она ему рассказала всё. И случилось то, чего мать так боялась. Запали Ионикэ Фэт-Фрумосу в душу слова её — про ясное солнце, что в давние времена свет и тепло дарило земле.

Работает Фэт-Фрумос — о солнце думает. Спит — солнце ему во сне видится.

Сама собой сложилась у него песня. Куда ни пойдёт, что ни делает — эту песню поёт:

Украли солнце драконы —
Свет затемнился белый.
Поломает драконьи законы
Только сильный и смелый.

Только герой беззаветный
Выпустит солнце в небо.
Вдоволь всем будет света,
Счастья, тепла и хлеба.

Вот подрасту немного —
Сил и ума прибавится —
И тогда, наконец, в дорогу
Я за солнцем смогу отправиться.

Однажды собирал Ионикэ в лесу хворост да пел свою песню. В ту пору проезжал по дороге царь той страны, по прозванию Чёрный. Услыхал он песню и задумался: «Всё у меня есть, чего душе угодно. Одного только солнца нет. Завладеть бы им, весь бы мир покорил!»

Велел царь остановить карету и привести к нему певца.

Нашли слуги Фэт-Фрумаса, привели. Царь спрашивает: Это ты пел? Кто тебя такой песне научил?

Сам я сложил эту песню. Что задумал, про то и пою.

Не видит царь, с кем говорит, а по голосу слышит, что перед ним мальчик, и лет ему этак с пятнадцать.

— Как тебя зовут? — спрашивает царь.

— Зовут Ионикэ, прозывают Фэт-Фрумос.

— Ну вот что, Ионикэ, — говорит царь Чёрный, — коли ты и вправду задумал солнце освободить, помогу я тебе. Возьму во дворец, чтобы ты побыстрее сил набрался. Помогу и в дорогу собраться. Пойдёшь ко мне?

— Я пошёл бы, — отвечал Ионикэ, — да жалко мать одну оставить.

— За чем дело стало? — говорит царь. — Возьмём и её во дворец.

Увёз царь Фэт-Фрумоса. А мать не пошла во дворец. Велела слугам передать поклон сыну да сказать, что ждать его она будет в родной хижине.

Пожил Ионикэ Фэт-Фрумос во дворце сколько-то времени. Заиграла в нём сила. Ребром ладони ударит по скале — надвое скалу расколет. Сожмёт булыжник — песок из кулака сыплется.

Решил Ионикэ Фэт-Фрумос, что пора в путь собираться.

Царь Чёрный ему говорит:

— Подбери по руке саблю и булаву да коня выбери себе по нраву.

Взял Ионикэ саблю поострее, булаву потяжелее и отправился на конюшню. Стоят кони сытые, холёные. Только на какого коня Фэт-Фрумос руку ни положит — кони с ног валятся.

— Ну, эти мне в пути не товарищи! — рассердился Ионикэ.

Тут в самом углу конюшни заржал конёк, забил копытами. Захудалый такой, ростом невелик, грива сваялась.

— А это и вовсе жалкая кляча, не по ней плачу, — сказал Ионикэ и хлопнул конька по спине.

Но конёк и не шелохнулся. Тянет морду к Фэт-Фрумосу, будто сказать хочет: «Надень на меня узду. Буду тебе верным слугой».

Фэт Фрумос и надел на него узду. Встряхнулся конёк, и вот стоит перед Ионикэ огневой скакун, лучшего и не сыщешь. Оседлал его Фэт-Фрумос, вскочил в седло.

Пустился конь рысью. Из-под копыт искры летят, путь освещают. Гудит земля, в дальних горах эхо отзывается.

Долго ли, коротко ли ехал Ионикэ Фэт-Фрумос, а притомился под ним конь, и сам всадник устал. У моста через реку спешился Ионикэ, пустил коня пастись, а сам прилёг отдохнуть.

Только успел задремать, слышит — скачет кто-то на той стороне реки. Вот подъехал к мосту. Стукнул конь копытами о мост, захрапел и назад попятился. Ударил его всадник плетью, заругался:

— Ах ты кляча, съешь тебя пёс! Чего испугался?! Хвалился, что только богатыря Фэт-Фрумоса боишься!

Вскочил тут Ионикэ, крикнул:

— Недаром твой конь испугался. Я Фэт-Фрумос и есть.

Засмеялся всадник так, что волны по реке заходили.

— Больно ты смел! Да знаешь ли ты, что я Сумракдракон, тот, кто солнце с неба украл и в темницу запер. Уходи!

— Не уйду. Давай бороться, — отвечает Фэт-Фрумос.

Слез Сумрак с коня. Стали они бороться. Приподнял

дракон Фэт-Фрумоса, размахнулся — Ионикэ по щиколотку в земле увяз. Ионикэ дракона по колени в землю вогнал. Разгорячились бойцы. Ухватил дракон Фэт-Фрумоса покрепче, над головой поднял, закрутил и бросил. Фэт-Фрумос в землю по пояс вошёл. Разъярился он, перебросил дракона через плечо с такой силой, что вбил его в землю по шее. Выхватил Фэт-Фрумос острую саблю и срубил ему голову.

Вскочил тут Фэт-Фрумос на коня, поехал дальше.

Ехал, ехал и опять перерезала ему дорогу река. Остановился Ионикэ у моста, подумал: «Отдохну. Кто знает, что впереди ждёт?» Пустил он коня на волю, сел у обочины, песню свою завёл:

Украли солнце драконы —

Свет затемнился белый.

Поломает драконьи законы

Только сильный и смелый...

Допел песню, слышит — цок, цок! — стучат конские копыта по ту сторону реки. Доскакал конь до моста, захрапел, попятился.

Бранится всадник:

— Ах ты волчья приманка, воронье угощение! Чего пятишься?! Ты твердил, что только Фэт-Фрумоса испугался бы!

— Фэт-Фрумоса он и испугался! — закричал Ионикэ.- — Ты кто такой?!

— Я Вечер-дракон, не тебе, букашке, ровня. Дохну я разок — всё живое на земле глаза смыкает. Давай бороться, или вон с дороги!

Стали они бороться. Долго бились они не на жизнь, а на смерть. А всё-таки одолел Фэт-Фрумос. Вогнал дракона по шее в землю и срубил ему голову.

Напился Ионикэ воды из речки, коня напоил и поехал дальше.

Перебирался он через горы, ехал и долиной, и лесом. Остановился у третьей реки, у третьего моста.

Только спешился Ионикэ Фэт-Фрумос — а уж кто-то к мосту подъезжает. Конь под тем всадником захрапел, не идёт на мост.

Тут верный конь Фэт-Фрумоса тихонько сказал хозяину:

— Те битвы — не битвы. Впереди настоящий бой. Сам Полночь-дракон на тебя идёт. Только не

бойся — победа твоя будет. Бейся смело.

Правду сказал конь — страшный бой разгорелся.

С первого удара Полночь-дракон Фэт-Фрúмоса по грудь в землю вогнал. Схватил Фэт-Фрúмос дракона, вколотил его в землю по самую шею.

Только взмахнул саблей, чтобы голову ему срубить, а тот уже землю раскидал, выскочил из ямы, на Фэт-Фрúмоса ещё злее кинулся. Долго так-то бились, а одолеть друг друга не могут. Совсем обессилели. Повалились оба на землю, еле дух переводят.

Вдруг слышат — сильные крылья воздух со свистом рассекают. Коршун кружит над ними. Конца боя ждёт.

— Коршун, коршун! — закричал Полночь-дракон. — Окропи меня водой, верни мне силы. Убью я Фэт-Фрúмоса, будет тебе богатая добыча.

— Братец коршун! — закричал Фэт-Фрúмос. — Окропи меня водой. Я солнце в небо хочу вернуть. Сам будешь греться в его лучах!

Пал коршун на тёмную реку, зачерпнул крылом воду, окропил Фэт-Фрúмоса. Второй раз к воде спустился, напоил богатыря из клюва.

С новыми силами вскочил Ионикэ на ноги и рассёк дракона пополам. Закричал он коршуну:

— Спасибо тебе, братец коршун, за помощь! Подскажи, куда за солнцем ехать, ты ведь по всему царству летаешь! Где оно спрятано?

— Поезжай вперёд, никуда не сворачивай. За лесом замок драконов. Может, там, в подземелье, солнце спрятано. Только ты больно душой прост. С хитростью силой не сладишь.

Тут отозвался конь Фэт-Фрúмоса:

— Хитрости у меня хватит!

— Коли так, в добрый путь! Удачи вам! — крикнул коршун.

Вскоре Фэт-Фрúмос доехал до такого густого леса, что ни пройти, ни проехать через него было невозможно. Остановился конь, сказал:

— Дальше только муха проберётся. Вырви волосок из моей гривы, повяжи вместо пояса, станешь мухой. Прoberись в замок да послушай, что там говорить будут драконши, разведай, где солнце. А чтобы стать снова человеком — ударься о землю. Я буду у замка.

Послушался Фэт-Фрúмос коня и мухой пробрался через лес, подлетел к замку. Облетел вокруг — щёлки не сыщешь, всё затворено. Бросился в трубу и через дымоход пробрался в замок.

Видит — сидят за столом мать драконов и жёны Сумрака, Вечера и Полуночи. Помнит Фэт-Фрúмос наказ коня, притаился, слушает.

— Где-то мои сыны, — говорит мать драконов, — тревожно мне что-то. Прежде я всегда слышала, как копыта их коней цокают. А теперь тихо всё. Не беда ли их пристигла?!

— Что ты, матушка! — отвечают невестки. — Кого им бояться?!

— Фэт-Фру́моса, — говорит мать драконов. — Ему на роду написано солнце из неволи выволить.

— Будь проклят этот Фэт-Фру́мос! — говорит жена Сумрака-дракона. — Если он и выволит солнце, недолго на него полюбуется. Поедет домой, обернусь я на его пути колодцем. Выпьет воды — тотчас умрёт.

— А я, — подхватила жена Вечера, — стану на его пути яблоней. Лишь надкусит он яблочко — тут и смерть ему.

— Ну, а я, — сказала жена Полуночи, — сделаюсь виноградной лозой. Съест виноградинку Фэт-Фру́мос — мёртвый упадёт.

— Ох, невестушки, не к добру вы расхвастались. Сходите лучше в подземелье, поглядите, цело ли солнце.

Пошли драконши в подземелье, и муха за ними полетела.

Стоит в подземелье кованый сундук, из щёлочки яркий лучик пробивается. Не стали они и крышки приподнимать. Говорят:

— Тут солнце! Куда оно денется! Матушке всё страхи чуждятся.

Сказали так-то — и пошли прочь. Только они ушли, ударилась муха об пол — и вот уже Фэт-Фру́мос поднимает крышку сундука.

Вырвалось солнце, прожгло дубовые двери подземелья, поднялось прямо в небо. Весь мир щедрыми лучами осветило.

Запели птицы по всей земле. Люди, словно братья, друг друга обнимают, поют, смеются. Никогда такого счастья не было на земле!

Только царь Чёрный обозлился. Хотелось ему одному солнцем завладеть. Для того и поил и кормил Фэт-Фру́моса. Залез царь на крышу своего дворца, хотел солнце схватить, да свалился. Тут ему и пришёл конец. Да о нём-то никто и горевать не стал.

А Фэт-Фру́мос вслед за солнцем бросился из подземелья, сел на своего верного коня и пустился в обратный путь.

Солнце печёт, — и радостно и жарко с непривычки. Пить хочется, сил нет. Видит — у дороги стоит колодец, вода в нём прозрачная, что горный хрусталь. Хотел напиться Фэт-Фру́мос, да вспомнил про слова жены Сумрака. Ударил по срубу саблей — и заструилась из колодца чёрная змеиная кровь.

Поехал дальше Фэт-Фру́мос. А пить всё больше хочется. Глядь — стоит у дороги яблоня. Яблоки на ней такие румяные, что так в рот и просятся. Ударил Иони́кэ острым лезвием по яблоне и легла на дорогу вторая драконша.

Едет Иони́кэ Фэт-Фру́мос, ждёт виноградную лозу с отравленными ягодами. Как повстречалась — рубанул с плеча. Теперь только мать драконов осталась. Обернулся Фэт-Фру́мос, не знает, чего от неё ждать. А сзади мчится по небу чёрная туча, молнии из неё блещут, гром гремит.

Мать драконов его догоняет. Пасть разинула, одна челюсть в небо упирается, другая землю задевает, пламя изо рта пышет.

Тронул коня Фэт-Фрумос, свернул конь и вмиг внёс хозяина в кузницу, что стояла при дороге. Захлопнул Ионикэ двери, засовы задвинул. А мать драконов уже у кузницы лютует. То по крыше бьёт, то рвёт двери. Но крепко стоит кузница. Пустилась тогда мать драконов на хитрость. Заговорила сладким голосом:

— Ионикэ, славный Фэт-Фрумос! Дай на тебя поглядеть хоть в щёлку.

— Сейчас я тебе покажусь, — говорит Фэт-Фрумос.

А сам раздул горн, накалил докрасна булаву со стальными шипами и пробил в стене дыру. Мать драконов тотчас голову всунула в кузницу, пасть разинула, но Ионикэ отскочил в сторону. Вместо себя раскалённую булаву подставил. Как проглотила её мать драконов, так из неё и дух вон.

Растворил Фэт-Фрумос двери кузницы. Исчезла туча. Солнце сияет.

Поехал Ионикэ Фэт-Фрумос по родной земле. Люди его встречают, радуются, поют, спасибо ему говорят. Вот, наконец, и село, где он жил, и родная хижина. Выбежала старая мать, обняла своего Ионикэ, заплакала. И были это последние её слёзы, потому что с того дня ничего, кроме радости, не довелось ей знать.

Морская невеста

Латышская сказка

Давно это было. У самого моря стоял маленький домишко, и жил в нём бедный рыбак. Что наловит в море, только тем и сыта его большая семья.

А тут случилось так, что восемь дней подряд в его сети ничего, кроме тины и водорослей, не попало. Изголодались все. На девятый день с первыми лучами солнца вышел рыбак в море. Но и в этот день ни одна рыба не заплывала в его сети. Совсем загоревал бедняга. Как вернуться с пустыми руками к голодным детям?! А солнце уж к морю клонится.

Откуда ни возьмись, плывёт к нему лодка. Да не малая: девять человек в ней видны. Кричат из лодки:

— Эй, рыбак! Много ли рыбы наловил?

— Какое там! Девять дней ничего поймать не могу. — Сказал и обмер.

Лодка подплыла близко, и стало видно, что в ней не девять человек, а один — о девяти головах.

— Так и дальше у тебя пойдёт, — говорит Девятиголовый, — пока не отдашь мне в батраки своего старшего сына. Сам с голоду пропадёшь и детей всех уморишь.

Растерялся рыбак. Слова вымолвить не может.

— За сына не бойся, — говорит Девятиголовый. — Работа у меня не тяжёлая. Кормить я его буду досыта. Ещё и платить стану. А уж рыба в твои сети сама поплывёт. Завтра на восходе солнца буду ждать у Большого камня. Приводи — не пожалеешь. — Сказал и уплыл.

Вернулся домой рыбак. Рассказал всё как было. Смотрят все на старшего сына, а он говорит:

— Что ж, отец, води меня завтра к этому — Десятиголовому. Не помирать же всем с голоду. Да и не боюсь я его. Води.

Чуть край солнца стал подниматься из-за моря, подошёл рыбак с сыном к Большому камню. А Десятиголовый уж там. Посадил паренька в лодку и поплыл.

Смотрит им рыбак вслед, а ничего не видит. Слёзы глаза туманят. Жаль сына. Своими руками отдал его неведомо кому, неведомо куда. А как не отдать, когда голод замучил!

Долго плыл Десятиголовый по морю. Наконец из-за моря поднялась гора. К ней и подплыли. Вышел Десятиголовый из лодки и исчез.

Ждёт-пождёт его паренёк. Вот уж солнце и на полдень поднялось, и на закат повернуло, и к морю спускаться стало. А Десятиголового всё нет как нет.

Вылез парнишка из лодки. Лодку на берег втащил. А куда идти — не знает. Подошёл он к горе. В горе нору увидал. Заглянул, а вдалеке — словно светится что-то.

Полез парень в гору. Идёт, а ход всё выше и больше становится. Шёл, шёл — и пришёл к медным воротам. Дальше пути нет. Постоял паренёк, да и стукнул слегка в ворота. Ни ответа, ни привета. Стукнул тогда он погромче — опять никакого ответа.

Тогда паренёк заколотил в ворота что есть мочи.

Открылись ворота. Вышла пригожая девушка, спрашивает:

— Откуда это ты, такой смелый, взялся?

— Хозяина я ищу. Десятиголовый в батраки меня нанял. Может, знаешь, где он?

— Здесь он. С утра спит крепким сном.

— Утром он меня и привёз. Я всё его в лодке дожидался. Он ушёл, ничего не сказал. А теперь уже дело к ночи...

— Какой терпеливый выискался! Голодный небось? Пойдём, накормлю.

Накормила его девушка, спрашивает:

— Боишься Десятиголового?

— Нет, не боюсь.

— Думаешь, угодить ему сумеешь?

— Не знаю. Стараться буду.

Понравился паренёк девушке. Говорит она ему:

— Угодить Десятиголовому ты не сможешь. Перехитрить да победить его я бы тебе помогла, кабы ты меня слушал во всём.

— Всё сделаю, как скажешь. Я не трусливый.

— Ну, слушай. Скоро проснётся Девятиголовый. Станет тебя посылать работать, а ты говори, что нанимался работать днём. А ночью глаза у тебя слепнут: не видишь ты ничего. Станет он тебе грозить, а ты своё тверди. Не отступай. Станет он тебя бить, мучить, а ты терпи и молчи. Голоса не подай. Не испугаешься?

— Выдержу.

— Вот, коли выдержишь, я скажу, что дальше тебе делать.

Как сказала девушка, так всё и случилось.

Проснулся Девятиголовый и стал паренька посылать работать. А тот и говорит, что ночью ничего не видит. Работать только днём может. Девятиголовый обозлился. Стал его толкать, стал грозить. А паренёк всё своё твердит: «Ночью я ничего не вижу. Я днём работать нанимался».

Набросился тут на него Девятиголовый. Стал его бить, мучить по-всячески.

А паренёк молчит. Терпит.

Бил его, бил Девятиголовый, а парнишка хоть бы звук проронил. Закусил губы, терпит.

Устал, наконец, Девятиголовый бить его. Отшвырнул паренька в сторону. Плюнул с досады. «Так я и не услышал его голоса! У, проклятый! Каменный, что ли?!» — плюнул ещё раз и пошёл спать.

Как захрапел Девятиголовый, пришла девушка.

— Молодец, — говорит, — выдержал!

А молодец ни рукой, ни ногой шевельнуть не может. Как отшвырнул его Девятиголовый уходя, так он и лежит.

Присела над ним девушка, стала каким-то зельем смазывать ему раны, ссадины. И паренёк вдруг почувствовал, что всю боль как рукой сняло, а сам он — словно больше, сильнее стал. Дивится он.

— Не дивись, паренёк, — говорит ему девушка. — Это к тебе перешли силы Девятиголового. Сколько у Девятиголового сил убыло, пока он тебя мучал, столько у тебя их прибыло. Поешь да спи. Много тебе ещё надо набраться сил, чтобы одолеть Девятиголового. В следующую ночь он тебя снова будет мучать. Не оплошай: терпи молча.

В следующую ночь всё повторилось. Стал Девятиголовый посылать паренька работать, а тот своё твердит:

— Я, хозяин, нанимался днём работать. Ночью я не могу. Я ничего не вижу.

Как услышал это Девятиголовый, давай его что есть силы мучить.

Стиснул паренёк зубы, терпит.

Долго бил-колотил его Девятиголовый. Наконец устал, плюнул снова.

— Вот проклятый какой! — говорит. — Так голоса и не подаёт.

Выругался и пошёл спать.

Как слышался храп его, пришла девушка. Залечила пареньку раны своим зельем. И как только прошла боль, почувствовал он, что против вчерашнего силы у него удвоились.

Говорит ему девушка:

— Нет, этих сил ещё мало. Придётся тебе ещё терпеть.

В третью ночь Десятиголовый мучал паренька ещё страшнее.

Терпит парнишка, терпит, но когда показалось ему, что больше он выдержать не сможет, — бросил его Десятиголовый. Выбился он из сил, зубами со злости заскрипел.

— Тьфу! Надо же! Так до сих пор и не услышал я его голоса!

Ушёл Десятиголовый. Завалился спать.

Пришла девушка. Залечила зельем все раны, все царапины, все ушибы.

Говорит ей парень:

— Знаешь, у меня против вчерашнего сил втрое прибавилось!

Обрадовалась девушка.

— Это хорошо, — говорит она. — Я тебе припасла острый меч и вот это зелье. Бери меч и иди руби Десятиголовому его поганые головы. Торопись. Не давай ему новых сил набраться. Только помни: станет он тебя огнём жечь — заливай этим зельем огонь и руби, руби его что есть силы. Пока не срубишь ему все головы, не отступай и не медли.

Схватил парень меч, бросился к Десятиголовому и отрубил ему сразу три головы.

Рассвирепел Десятиголовый. Стал жечь парня огнём.

А парень от огненных языков, как угорь, увёртывается, зельем огонь заливает.

Долго они так бились. Наконец стал Десятиголовый ослабевать. Тут парень собрался с силами и одну за другой отсёк у него головы.

Как упала последняя голова, содрогнулась гора, а потом загрохотало всё вокруг и на том месте, где была гора, появился прекрасный город.

Подошла тут к парню девушка и говорит:

— Коли любя я тебе — будь королём в этом городе.

— Ты добрая и красивая девушка. Я тебя полюбил, как только увидел. Но кто ты?

— Я дочь морского короля, — говорит девушка, — моего отца убил Десятиголовый. Королевство наше он заколдовал, а меня держал в неволе. Теперь власть Десятиголового кончилась. И мы можем сегодня же отпраздновать нашу свадьбу.

— Нет, — говорит парень, — я на свадьбу должен родных позвать. Да надо, чтобы и приятели мои сплясали на нашей свадьбе!

— Будь по-твоему, — согласилась девушка, — зови всех. Вот тебе мой перстень. Поверни три раза его вокруг пальца, и где захочешь — там сразу и будешь. Только смотри, не хвастайся мной, а то быть беде.

Надел парень перстень невесты на палец, повернул его три раза — и он уже дома. То-то рады были отец с матерью! Они уже не чаяли сына живым увидеть, а он вдруг сильный, большой да ладный, как с неба свалился! Рассказал он тут всё, что с ним приключилось, позвал отца с матерью на свадьбу и пошёл родных да приятелей звать.

Идти ему мимо барского двора. А барин по двору прогуливался. Увидал парня, давай его расспрашивать — делать-то ему нечего.

— Где же это ты пропадал? Давно тебя не видел.

— За морем счастья искал, — отвечает парень и уйти хочет.

— Ну и нашёл счастье? — продолжает расспрашивать барин.

— Нашёл. Иду звать родню да приятелей на свадьбу.

— Ну, а кто же невеста твоя?

— Девушка добрая.

— А хороша она собой?

— Не знаю, барин, как и сказать.

— Может, так красива, как моя старшая дочь?

— Да нет, барин.

— Может, так хороша, как моя средняя дочка?

— Нет, барин.

— Может, так прекрасна, как моя младшая доченька?

Рассердился тут парень, да и говорит:

— Да отстань ты, барин, от меня со своими дочерьми! Где им тягаться с моей невестой! Она во сто раз красивее их!

Только сказал так-то — и не стало тут на пальце перстня.

Идёт он по дороге, горькими слезами заливается.

Как он теперь к невесте своей вернётся? Где найдёт её?

А по дороге, навстречу ему, идёт старая бабка. На плече у неё вязанка дров, и под тяжестью их она еле идёт, согнулась вся.

Пожалел её паренёк.

— Давай, бабушка, я тебе помогу, — и взял у неё с плеча вязанку.

А была это не простая бабушка, а сама матушка Ла́йма, — та, что добрым людям счастье приносит.

Остановилась матушка Ла́йма, спрашивает:

— Ты чего плакал, сынок?

Рассказал парень ей всю правду.

Говорит ему матушка Ла́йма:

— Ты почему же не послушал невесту? Добрый совет она тебе дала.

— Да я, бабушка, не хвастался. В сердцах с языка сорвалось. Обидно мне стало за невесту мою!

— Ну, ладно! На́ тебе башмачок. Надень его и беги к Луне. Расспроси её, как найти дорогу к заколдованному городу-горе.

Тут только парень и понял, какое счастье ему на долю выпало.

Бросился он к Луне, спрашивает он её о дороге. А Луна говорит:

— Я гуляю по ночам. Не заметила я дороги. Спроси лучше Солнце.

Прибежал парень к Солнцу. Просит:

— Укажи мне дорогу к заколдованному городу-горе.

Невеста там у меня осталась. Помоги мне.

— Не знаю я этой дороги, — отвечает Солнце. — Спроси у Отца ветров. Может, он тебе и поможет. Ветры всюду летают, все щели знают.

Помчался он к Отцу ветров. Стал просить его указать ему дорогу.

Выслушал его рассказ Отец ветров, взял двенадцать свирелей и подул в них. Одиннадцать ветров тотчас прибежали. Только двенадцатого, северного, не было.

Тогда дунул Отец ветров ещё раз, да так, что горы задрожали, а деревья к земле склонились.

Прошло немало времени. Хотел Отец ветров дунуть ещё раз, только поднёс свирель к губам — северный ветер Зиёмелис тут как тут.

— Где это ты замешкался?

— Прости, Отец. Что прикажешь? Далеко я был, у заколдованной горы.

— Вот это мне и надо. Отведи туда этого парня.

— Что ты, батюшка, где же ему за мной угнаться?

— Не мели пустяков! У него на ноге башмачок матушки Лаймы.

Полетел Зиёмелис, а парень — за ним. Не отстаёт, на пятки ветру наступает. Раз, два, три — вот и заколдованная гора.

Парень, как увидел свою морскую королевну-красавицу, — от счастья не знает, что и сказать.

В тот же день женился он на красавице. И живут они счастливо до сих пор.

Но уж больше он никогда, даже сгоряча, не хвастает.

Как мальчик спас свой город

Киргизская сказка

В древности жил воинственный хан Жаныбёк. Он прославился своими жестокими набегами на соседние ханства.

Однажды несметные войска хана Жаныбёка осадили город хана Султанмамыта. Жителям осаждённого города враги объявили:

— Если вы не сдадитесь в течение трёх дней, мы разрушим ваш город!

Султанмамыт собрал совет старейшин. Долго думали старейшины, как им от беды избавиться, но как ничего и не смогли придумать. И вот уже наступил последний день назначенного Жаныбёком срока. Вдруг к юрте, в которой собрался совет старейшин, подъехал на жеребёнке мальчик в старой шубе. Поздоровался мальчик и сказал:

— Пошлите меня к Жаныбёк-хану. Я попробую освободить наш город от вражеской осады.

Услыхали старейшины эти слова и рассмеялись. А Султанмамыт рассердился.

— Уходи отсюда, — гневно сказал он мальчику, — ты ещё мал, чтобы соваться в такие дела!

Но один старик заметил:

— Хан мой, злоба — враг, а ум — друг. Не сердись на этого мальчика. Может, он И вправду спасёт наш город. Давайте пошлём его к Жаныбёк-хану.

Подумали старейшины, поспорили и, наконец, решили послать мальчика к Жаныбёк-хану.

Тогда мальчик попросил дать ему самого старого верблюда и самого бородатого козла. Удивились старейшины, но дали мальчику всё, что он просил.

Мальчик взобрался на верблюда, а козла повёл за верёвку. Приехал он к врагам.

Увидел мальчика Жаныбёк-хан и разгневался:

— Неужели в ханстве Султанмамыта не нашлось более старых и бородатых послов?! — закричал он.

А мальчик не испугался ханского гнева и спокойно отвечал:

— Если ты, хан, хочешь разговаривать с самым старым, — поговори с этим верблюдом! Если

хочешь разговаривать с самым бородатым, — поговори с этим козлом!

Удивился Жаныбёк-хан находчивости мальчика.

— Ты смел и умён! — сказал грозный хан. — И я награжу тебя за это! Проси, что хочешь!

— Подари мне столько земли, сколько влезет в шкуру моего верблюда! — попросил мальчик.

Усмехнулся Жаныбёк-хан, услышав такую просьбу, и согласился дать мальчику столько земли, сколько влезет в шкуру его верблюда.

Тогда мальчик заколол старого верблюда и разрезал его шкуру на тончайшие полоски. Потом связал эти полоски в один длинный-предлинный ремень и обвёл им осаждённый город.

Увидел это Жаныбёк-хан и огорчился. Понял, что мальчик перехитрил его. Да делать нечего: надо ханское слово сдержать. Подарил он мальчику его осаждённый город и ушёл вместе со своим войском из этих мест.

Так мальчик спас свой город.

Охотник и его друзья

Таджикская сказка

Давным-давно жил охотник, меткий стрелок; никогда не приходил он с охоты с пустыми руками.

Однажды возвращался охотник домой и встретил бедного крестьянина.

— С хорошей охотой, стрелок! Богатая у тебя добыча! Верно, дорого тебе заплатят за неё? Стрелок поглядел на бедного крестьянина и сказал:

— Дорога здесь только меткость глаза да ловкость рук. Не знаю, сколько бы дали мне за эту дичь другие, но тебе продам её охотно. Дай мне за неё столько, сколько можешь.

Ох, спасибо, браток! Но мне ли купить дичь? Совсем разорили меня налоги. Пусто у меня в доме, пусто на дворе, только конь один остался. Горсть муки с водой — весь наш обед. Не знаю, как протянем до нового урожая.

— Ну ладно, бери мою добычу даром, не нужно мне денег. Кушай на здоровье! — сказал стрелок.

Крестьянин взял у него дичь и сказал:

— Спасибо, друг, я не забуду твоей доброты. С этого часа считай меня своим-другом. Когда бы ни пришлось тебе проходить мимо моего дома — непременно заходи, всегда будешь мне самым желанным гостем.

— Хорошо! — сказал стрелок и пошёл домой.

Через несколько дней стрелок опять был на охоте. Много настрелял он разной дичи и возвращался домой. При входе в город увидел стрелок — лежит у забора дряхлый старик.

— Здравствуй, отец! Что с тобой? — спросил стрелок.

— Плохо мне, сынок, стар я и болен. Всю жизнь служил я во дворце царя нашего — падишаха, кормился тем, что давали. А вот теперь сил нет, работать не могу. Никто обо мне не позаботится, и есть мне нечего.

— Возьми мою добычу, отец, — сказал стрелок.

— Нет, сынок, не возьму, как можно! — сказал старик. — Ведь это дорого сто́ит.

— Дорого стоит только меткость глаза да ловкость рук. А дичь мне легко досталась. Бери её, тебе на неделю хватит, — сказал стрелок и положил перед стариком всю добычу. — Подкрепляйся и будь здоров.

Старик, тронутый добротой стрелка, заплакал и сказал:

— Пока я жив, считай меня своим другом. Когда бы ты ни проходил мимо — заходи непременно, я приму тебя, как родного сына.

— Спасибо тебе, — ответил стрелок и пошёл домой.

Через несколько дней стрелок опять пошёл на охоту и настрелял много дичи. На обратном пути увидел он широко раскрытые ворота. Один богач сидел на ковре возле своего дома и пил чай. А у ворот, на улице, прямо на земле, в очерченном круге сидел какой-то бедняк.

— Что сидишь здесь? В чём провинился? — спросил бедняка стрелок.

— Задолжал я богачу, а долг отдавать нечем. Вот посадил он меня в круг и велел сидеть до вечера. Если за это время кто-нибудь меня не выкупит, с завтрашнего дня я стану рабом богача. А кто меня выкупит? Родственников богатых у меня нет. Ничего не поделаешь, придётся, видно, идти в кабалу, — сказал бедняк.

— Не бывать этому!- — воскликнул стрелок. — Вот, возьми мою добычу, отдай богачу — он тебя отпустит.

Бедняк недоверчиво посмотрел на стрелка, а тот уже снимал с плеча всю настрелянную им дичь и складывал её перед бедняком.

— Спасибо, друг! — сказал бедняк. — Спас ты меня. Но пусть я буду теперь твоим должником. Вон мой дом, вон калитка моего двора. Заходи ко мне, когда захочешь, ночуй у меня. Я обижусь, если пройдёшь мимо. С этого дня считай меня своим другом.

— Ладно, когда-нибудь зайду, — сказал стрелок и пошёл домой.

Скоро опять отправился стрелок на охоту. На этот раз долго ходил он по лесу, но всё не было удачи — ничего не мог подстрелить. Расстроенный, решил стрелок вернуться домой.

Вдруг встретил он в лесу царскую охоту. Падишах гнался за выслеженным зверем и стрелял, но всё не мог попасть в цель. Слуги падишаха окружили зверя кольцом.

Стрелок тоже встал в цепь охотников, стороживших падишаху добычу.

Загнанный зверь метался в кругу охотников, падишах стрелял в него, но не попадал и был в ярости от своей неудачи.

Вдруг зверь бросился в сторону стрелка, мигом проскочил мимо него и быстро помчался в

горы.

Падишах выстрелил в убегающего зверя, но опять промахнулся. Тогда стрелок натянул тетиву своего лука, спустил стрелу — и зверь упал как подкошенный.

Разгневанный падишах приказал казнить стрелка, осмелившегося пристать к его охоте и убить зверя, предназначенного в добычу самому падишаху.

Связанного стрелка привели в город и там подвели его к виселице.

— О господин, — крикнул стрелок падишаху, — дай мне два часа сроку! Разреши сходить попрощаться с другом!

Падишах удивился, что человек перед смертью вспоминает о каком-то друге. Он задержал казнь и велел страже сопровождать стрелка:

— Пусть идёт к своему другу, но смотрите, чтобы он не сбежал. Ровно через два часа он будет повешен.

Стража повела стрелка к другу. А падишах зашёл в сторожку у ворот дворца, переоделся крестьянином и пошёл вслед за стрелком. Ему захотелось посмотреть, что за друг у стрелка и как он примет своего друга в беде.

Стрелок подошёл к дому первого своего друга и постучал в калитку. Вышел крестьянин и, как увидел стрелка, — обрадовался, низко поклонился ему и пригласил войти в дом.

— О, друг, разве ты не видишь, что я под стражей? Беда случилась со мной!

И стрелок рассказал своему другу о неудачной охоте, о встрече с падишахом, об убитом, звере и о том, что только два часа осталось ему жить на свете.

Тогда крестьянин сказал:

— Подожди, не печалься, друг. Сейчас я отведу своего коня падишаху и попрошу его освободить тебя.

Падишах стоял поблизости, среди людей, собравшихся посмотреть, что случилось, и всё слышал.

«Удивительный человек! Неужели ему не жаль отдать своего последнего коня?» — подумал падишах.

Друг стрелка быстро вывел своего коня и пошёл рядом со стрелком.

— Погодите, вот дом моего второго друга! — вскричал стрелок. — Я должен зайти с ним попрощаться — верно, не придётся уже больше увидеться.

Он постучал в калитку и позвал друга.

На стук вышел старик. Как только увидел он стрелка, радостно бросился к нему, обнял его, крепко прижал к себе и стал расспрашивать о здоровье.

Стрелок рассказал другу, что его ожидает.

— Нет, я не допущу такой беды! — воскликнул старик. — Упаду к ногам падишаха и буду умолять его простить тебя. Всю жизнь я служил падишаху, и не может быть, чтобы он не исполнил моей просьбы. А уж если ему нужна чья-то голова, пусть он лучше снимет с плеч мою седую голову!

Падишах стоял среди народа и всё слышал.

«Не может этого быть! — подумал он. — Никто не отдаст свою жизнь за другого человека».

Стрелок с обоими друзьями и охраной направился к падишахскому дворцу.

Вдруг, проходя по улице, увидел стрелок калитку своего третьего друга.

— Погодите, у меня есть ещё время! — вскричал стрелок. — Я должен попрощаться с моим третьим другом. Он обидится, если я пройду мимо его дома и не зайду к нему.

Стража не хотела пускать стрелка к его третьему другу. Они боялись, что опоздают во дворец и падишах велит казнить их вместе со стрелком.

— Эх, вы! Умереть никогда не опоздаешь, — сказал стрелок.

На шум из калитки вышел хозяин. Увидев стрелка, он радостно бросился к нему, крепко обнял его и сказал:

— Вот обрадовал, друг! Заходи, дорогой! Ты сегодня без добычи, но зато я могу угостить тебя.

— О друг, сам я стал добычей!

И стрелок рассказал ему всё, что с ним случилось.

— Не будет этого! — воскликнул бедняк. — Я готов сделать всё, чтобы не допустить твоей гибели. Если падишах и вправду захочет казнить тебя, я брошусь на него и распорю ему живот своим кинжалом!

Услышав эти слова, падишах изумился и подумал: «Не сошёл ли с ума мой раб? Разве можно из-за какого-то охотника поднимать руку на своего падишаха?»

Возмущённый, вышел он из толпы, тайком вернулся во дворец, переоделся в своё царское платье и стал ждать стрелка с его друзьями.

Когда они приблизились, падишах велел начинать казнь.

Палач накинул петлю на шею стрелку. Тогда вышел вперёд крестьянин и подвёл падишаху своего коня.

— О господин, — воскликнул первый друг стрелка, — возьми единственного моего коня и пощади моего дорогого друга!

Падишах молчал.

— О мой господин, — вскричал тогда старик, падая в ноги падишаху, — я всю жизнь служил тебе верно — исполни же мою просьбу: пощади этого доброго человека! Вели лучше меня казнить вместо него!

Падишах молчал и с удивлением смотрел то на стрелка, то на его друзей.

Тогда третий друг стрелка, не говоря ни слова, схватился за кинжал и бросился к падишаху.

Падишах испугался, замахал руками и убежал во дворец.

Все подумали, что он приказал освободить осуждённого, и тотчас сняли со стрелка петлю.

Друзья бросились обнимать его. Весь народ радовался и говорил, что верная дружба сильнее падишахского гнева.

А падишах?

Падишах заперся один в самой дальней комнате своего дворца. Он дрожал от страха: у него-то ведь друзей не было!

Портной и царь

Армянская сказка

Жил царь, жадный и жестокий. Однажды он приказал созвать во дворец всех портных, ткачей, вышивальщиков и сказал им:

— Слушайте, мастера! Что согревает нас в холодные зимние ночи? Одеяло. Что укрывает нас от зноя? Одеяло. Скажу коротко: человек без одеяла — что конь без седла. Так вот: кто сошьёт одеяло точно по нашему царскому росту, получит в награду руку нашей дочери, царевны Рачий Огнеглазой, и полцарства в придачу. Но тот, кто принесёт слишком длинное или слишком короткое одеяло, станет нашим рабом. Мы всё сказали, о люди, и наше царское слово дороже золота, крепче алмаза.

Ткачи, портные и вышивальщики принялись за работу. Одни из них стегали одеяла на вате и на пуху, мягкие и тёплые, как шерсть горной козы; другие ткали одеяла из сверкающих шёлковых нитей, лёгкие, как облако; третьи, растянув на пальцах бархат, вышивали по нему золотом и серебром тончайшие узоры.

Они украшали одеяла яркими кистями, обшивали мехом и подбивали парчой. Но ни один из них не мог угодить царю.

Если ему приносили длинное одеяло, он нарочно накрывался им не вдоль, а поперёк и ворчал:

— Гляди, твоё куцее одеяло не покрывает даже моих ног!

Если же одеяло было коротким, он сжимался в комок и кричал на весь дворец:

— Глупый, ты сшил одеяло на великана. Не видишь, я тону в его складках!

И никто не смел перечить царю.

Тысячи несчастных, проклиная судьбу, становились рабами жестокого царя. Закованные в цепи, они работали день и ночь в глубине горных пещер, не видя солнца и не зная отдыха.

Слух о злодеяниях царя дошёл до одного портного. Этот портной был стар, беден и хром. Он ходил, опираясь на палку, и никогда не помышлял о царевне Рачии Огнеглазой. Но у старого

портного было доброе сердце. Он сказал своей жене:

— Клянусь папахой, или я умру, или выручу этих несчастных. Пусть будет, что будет!

Из обрезков ситца он сшил одеяло точно по росту царя, взял на дорогу горсть чортана — сухого творога — и пошёл во дворец, опираясь на свою суковатую палку.

В горах, где гуляют тучи и сверкает вечный снег на вершинах, ястребиным гнездом высился царский замок, окружённый зубчатыми стенами, укреплённый бойницами и украшенный изображениями каменного вишапа — дракона, разевающего свою страшную пасть.

Портной смело подошёл к окованным железом воротам и попросил доложить о себе царю.

Царские слуги взглянули на лоскутное одеяло и подняли портного на смех:

— На что ты надеешься, хромой безумец! Царь и глядеть не станет на твои лохмотья!

— Я надеюсь на верного помощника, с которым много лет не расстаюсь, — ответил, усмехаясь, портной.

Слуги не поняли его слов, но, помня строгий приказ, ввели портного в покои царя.

Царь взглянул на портного и поморщился, потому что портной был стар, худ и хром. От такого работника нельзя было ждать большой прибыли. Но он не захотел при слугах нарушить своего царского слова и сказал:

— Ва!.. Хвалился ишак конём стать, да уши помешали! Самые искусные мастера не сумели сшить одеяла по моему росту, а этот нищий оборванец надеется угодить мне!..

— Не было бы ишака, пришлось бы коню возить на себе хворост, — ответил портной. — Примерь моё одеяло, о царь, и пусть я потеряю папаху, если оно не придётся тебе точно по мерке!

— Накройте меня ветошью, которую этот урод осмеливается называть одеялом! — приказал царь.

Царские слуги накинули на царя одеяло, и оно покрыло его с головы до ног.

Но царь в один миг перевернул одеяло поперёк, и все увидели, что царские ноги в алых бархатных туфлях торчат наружу.

— Наденьте на этого безумца собачий ошейник и посадите его на цепь посреди двора! — сказал царь. — Пусть он по ночам пугает лаем летучих мышей!..

Услышав слова царя, слуги стали смеяться над бедным портным.

— Умный человек смеётся после всех, — сказал мастер и ударил царя по ногам своей суковатой палкой.

Царь взвыл, как буйвол, и спрятал ноги под одеяло, а слуги так и замерли с открытыми ртами, поражённые дерзостью портного.

— Немедленно казните дерзкого! — крикнул царь.

— О царь! — остановил его портной. — Одеядо-то пришлось тебе точно по росту, а я слышал, что твоё царское слово дороже золота, крепче алмаза!

Крик гнева застрял у царя в горле; он вспомнил старую поговорку: «Кто обманул сегодня, — тому не поверят завтра». Дрожа от бессильной злобы, царь ответил:

— Ты прав, портной. Моё слово дороже золота, крепче алмаза. Я отдам тебе полцарства и царевну Рачию, но только в том случае, если ты поклянёшься молчать о том, что ударил царя.

— О царь! — ответил портной. — Мне не нужно царства, и я не достоин даже глядеть на Рачию Огнеглазую. Выпусти из горных пещер несчастных рабов, и я уйду, отвечивая тебе низкие поклоны.

Попав в капкан, лисица сама себе отгрызает лапу.

Вместе с портным пришлось царю отпустить всех рабов, да ещё пожелать им добра на дорогу.

Голубая птица

Туркменская сказка

Было это или не было, но люди рассказывают.

У одного крестьянина — по-нашему, по-туркменски, дехканина — родился сын ростом с небольшой стручок перца. Как родился, так сразу стал говорить и бегать. Мать посмотрела на него и назвала мальчика Ярты́-гуло́к, а это значит по-туркменски — половина верблюжьего уха. Вот какой он был маленький.

Однажды пошёл Ярты́-гуло́к с отцом на базар. Дал отец сыну два медных теньга́.

— Ай, — обрадовался малыш, — сколько халвы, сколько пряников да мёду куплю я себе на эти две медные денежки! — И побежал за отцом вприпрыжку, как за козой молодой козлёнок.

Ой, сколько народу собралось на базаре! Ой, сколько было товаров! Пришёл Ярты́ в шёлковый ряд — торгуют купцы шелками, цветистыми, словно радуга. Пришёл в ковровый — лежат ковры, яркие, словно луг, покрытый цветами. Пришёл в медный — увидел блюда, сверкающие, как солнце, кувшины, блестящие, словно золото. Стоят перед лавкой женщины, смотрят на медные казаны, тарелки да чаши — не могут налюбоваться. А ребята, глотая слюнки, столпились и смотрят во все глаза на груды фруктов, сваренных на меду, на корзины сдобных лепёшек, на блюда со сладкой тягучей нугой. А сколько здесь было дынь, арбузов, яблок и винограда! Целый день смотри — всего не увидишь! Все деньги отдай — всего не купишь. А много ли можно купить на два медных гроша?

Шмыгал, шмыгал Ярты́ по рядам, приценивался, торговался — ничего не купил, а отца потерял в толпе.

— Ай, ата́-джан, дорогой отец! Где ты? — начал кричать малыш, взобравшись на гору яблок. — Я здесь — твой сыночек Ярты́-гуло́к!

А базар шумит, базар кричит: иголку легче найти в пустыне, чем найти в толпе человека. Не услышал его отец.

Чуть не заплакал Ярты́ с досады, да вовремя спохватился: «Плакать молодцу не к лицу! Найду

и один домой дорогу».

Так подумал Ярты́ и сразу повеселел, поправил на голове тюбетейку и стал осматриваться, куда бы направить путь.

И вдруг, высоко над толпой, совсем недалеко, он увидел настоящее чудо. На длинном шесте из слоновой кости сидела прекрасная голубая птица. Клюв у птицы был золотой. Голубые, как небо, крылья, словно звёздами были усыпаны алмазными искрами. Изогнутая дугою шейка переливалась розовым и зелёным, а на маленькой круглой головке развевался пышный султан, сверкавший ярче, чем драгоценный камень рубин. Птица покачивалась на своём высоком насесте и то складывала, то расправляла свои лазурные крылья.

— Ай! — воскликнул малыш. — Посмотрю-ка я на птичку поближе. За такое чудо я готов отдать все мои деньги да ещё и тюбетейку в придачу!

Кубарем скатился он с груды яблок и стал пробираться к чудесной птице. Но это было не так-то просто. Ишаки, пешеходы, нагруженные тюками верблюды то и дело преграждали ему дорогу. Чуть не попал малыш под копыта коня, которого два джигита вели на продажу. Но и самой длинной дороге приходит конец. Так говорят люди — так и было. Добрался в конце концов и Ярты́: до чудесной птицы. Но мальчик думал, что увидит здесь радость и ликование, а увидел совсем другое.

Возле шеста, на котором красовалась диковинная птица, сидели три человека. У одного весь халат был измазан красками, у другого вся борода покрыта древесной пылью, а третий, в переднике из воловьей кожи, был чёрен как сажа. И красильщик, и резчик, и кузнец — все трое были печальны. Опустив головы, сидели они на земле, а вокруг них толпились женщины, старики и дети и плакали горькими слезами.

— Что тут случилось? Отчего эти люди плачут? — как комар запищал Ярты́, вскарабкавшись на плечо водоноса, торговавшего сладкой водой.

Водонос ответил:

— Эй, маленький человек, я вижу — ты пришёл издалека и не знаешь, какое горе постигло этих людей.

— Конечно, я ничего не знаю, — шёпотом ответил Ярты́.

И водонос начал свой печальный рассказ.

— Наш хан — человек гордый, жестокий и несправедливый. Призвал он к себе резчика, лучшего в нашем городе, и приказал ему вырезать из дерева волшебную птицу Биль-Биль-Гоё. Много сказок сложил народ об этой чудесной птице. Прекрасная, словно солнце, раз в году слетает она на землю. Она поёт свои чудесные песни и приносит людям счастье! Но разве может человек своими грубыми руками создать волшебную птицу? Задумался резчик. Но он был искусный мастер и выполнил приказ хана. Ровно в срок он принёс во дворец свою птицу, и все, кто видел её, замерли от восторга — никогда ещё не видали они такой тонкой, такой прекрасной работы.

Но хан нахмурился и сказал: «Недурная птица, но разве не видишь ты, глупый мастер, что она бесцветна. Если к утру эта птица не заблестит и не засверкает, как солнце, я прикажу отрубить тебе голову».

Опечалился мастер. Не говоря ни слова, он взял птицу и отнёс к своему другу, знаменитому рисовальщику. Этим мастером уже много лет гордимся мы все, гордится наш славный город. И вот за одну только ночь рисовальщик заставил птицу сверкать, как солнце. Он покрыл её золотом и лазурью, а крылья чудесной птицы осыпал алмазной пылью.

Рано утром два мастера понесли во дворец чудесную птицу.

Они несли её по улицам города, и люди, видя её, смеялись от радости, били в ладоши, плясали и пели от счастья и от восторга!

Но грозный хан закричал: «Чему радуетесь, глупцы! Это не птица Биль-Биль-Гоё, а кусок дерева, испачканный красками! Эй, мастера, если к утру ваша глупая птица не научится вертеть головой и размахивать крыльями, я прикажу казнить всех резчиков и всех рисовальщиков!»

Ещё больше опечалились мастера. Не сказав ни слова, они взяли птицу и отнесли к искусному кузнецу. Всю ночь трудился искусный кузнец, и, когда утром друзья возвратились к нему, чудесная птица взмахнула крыльями, кивнула точёной головкой и защёлкала золочёным клювом.

Вне себя от радости все трое — резчик, рисовальщик и кузнец побежали в ханский дворец. Они принесли с собой голубую птицу, и птица эта сверкала, как солнце, махала крыльями и вертела головой, совсем как живая. Они ждали щедрой награды, но, увидев птицу, жестокий хан закричал и затопал ногами; он так разгневался, что пламя вылетало у него из ноздрей. «Бездельники! — кричал хан. — Ваш товар никуда не годен! Разве это волшебная птица? Она молчит, она не умеет петь. Это не Биль-Биль-Гоё, приносящая людям счастье!»

Ах, сколько дней ни старались искусные мастера, голубая птица так петь и не научилась. И вот сейчас придут ханские стражники, они схватят несчастных людей и бросят в тюрьму-зиндан. А из ханской тюрьмы — все знают — никто ещё не возвращался живым. Вот почему горько плачут их несчастные жёны и дети.

Так сказал водонос и тоже заплакал, а вслед за ним тоненьким голоском зарыдал и Ярты́-гуло́к.

Долго ли плакал Ярты́, никто не знает, но вот толпа зашумела, заволновалась.

— Расступись! Разойдись! — раздались громкие голоса.

Ярты́ оглянулся и увидел, что прямо к мастерам через площадь идут ханские стражники с обнажёнными мечами и вместе с ними начальник стражи — толстый и разъярённый, как дикий кабан.

— Ничтожные! — захрипел он, подойдя к мастерам. — Вы нарушили приказ хана: ваша птица молчит! За эту дерзость вас ждёт жестокое наказание!

Мастера промолчали, а женщины, старики и дети, услышав такие слова, заплакали ещё громче.

«Эй, плачем тут не поможешь! — сказал сам себе Ярты́-гуло́к. — Чем плакать, не лучше ли проучить гордеца хана! Что-что, а уж это-то я сумею!»

Он утёр кулачком слёзы и стал быстро карабкаться на шест. Минута — и малыш сидел уже под

крылом чудесной птицы.

Конечно, этого никто не заметил.

— Схватить злодеев! — перекрикивая плачущую толпу, заревел толстый начальник, и стражники, взмахнув кривыми мечами, уже шагнули вперёд, но в это время волшебная птица раскрыла свой золочёный клюв и громко сказала:

— Ты сам злодей! Сам злодей! Эти люди достойны награды! Они искусней всех мастеров на свете!

Толпа ахнула. Стражники в испуге попятились, уже не смея приблизиться к мастерам, а начальник стражи так и замер с открытым ртом. Птица же, взмахнув крыльями, повернула к мастерам свою точёную головку и звонко пропела:

Не грустите, мастера.
Во дворец идти пора.
Там для хана я спою
Песню звонкую свою!

Крики радости раздались в толпе:

— О прекрасная птица Биль-Биль-Гоё! Ты сжалилась над нами, ты поняла наше горе и запела! Несите же её скорей во дворец, пусть споёт она хану свою волшебную песню и избавит невинных людей от смерти!

И вот мастера, не веря ещё своему счастью, подхватили птицу и понесли во дворец. А вслед за ними лавиной хлынул народ.

Злой, словно голодный тигр, хан сидел на своём золочёном троне и кусал свою чёрную бороду, а визири, стражники, мухобои и палачи стояли перед ним на коленях, не смея дышать от страха. Они с нетерпением ждали, когда примчится гонец и доложит хану, что всем трём мастерам отрубили головы. Но гонец не появлялся. И вдруг будто море зашумело за стенами дворца. Двери распахнулись и, окружённые стражей, во дворец вступили резчик, рисовальщик и кузнец. Спокойно, как победители, они несли на высоком шесте резную птицу.

«Прочь!» — хотел крикнуть взбешённый хан, но птица расправила крылья, тряхнула головкой и запела:

Всех мудрее наш хан!
Всех добрее наш хан!

Морщины на лице хана стали разглаживаться. А птица продолжала:

Он мудрее мудрецов,
Он храбрее храбрецов, —
Наш хан — всё наш хан!

Хан уже улыбался. Он поглаживал свою смоляную бороду и покачивал головой, внимая песне:

С кем сравню тебя, о хан?
Сын орла и розы — хан!
Солнца брат, отец луны —

Благодетель всей страны!
Хан, ты наш хан!

Так пропела птица, и хан весело рассмеялся.

— Эй, визири! — приказал он царедворцам. — Дать мастерам в награду мешок яичной скорлупы и бесхвостого ишака в придачу. Они неплохо сделали своё дело!

Он был очень доволен своею шуткой. А потом прибавил:

— Сейчас же вынести эту прекрасную птицу на площадь! Пусть весь мой народ услышит, как славит хана волшебница Биль-Биль-Гоё!

И вот из дворцовых ворот двинулось шествие. Впереди шёл хан в огромной парчовой чалме, а за ним шагали визири в золотых халатах. Они несли на высоком шесте говорящую птицу

Хан поднялся на устланный коврами помост, взмахнул рукой, и глашатаи-великаны затрубили в длинные медные трубы, призывая народ к тишине и порядку. На площади стало так тихо, что было слышно, как плещется вода в водоёмах. И в тишине раздался голос хана:

— О волшебная птица Биль-Биль-Гоё! Порадуй нас всех своей звонкой песней, прекрасней которой мы ещё никогда не слыхали. Пой смело, пой только правду и ничего не бойся!

Птица подпрыгнула на шесте, пощёлкала клювом, повертела головкой, откашлялась и засвистела на всю площадь:

Всех грознее наш хан!
Всех хитрее наш хан!..

Хан побледнел, но разве мог он при всём народе приказать замолчать волшебной птице, которую только что просил говорить чистую правду и ничего не бояться?

А птица продолжала ещё громче:

Он мучитель, он губитель,
Он народа разоритель, —
Наш хан — всё наш хан!
Разоритель и злодей,
Ненавистный для людей!
Наш хан, грозный хан!

Услышав такую песню, царедворцы заткнули уши, телохранители выхватили мечи, а хан, вытаращив глаза, завизжал на всю площадь:

— Замолчи!

Настала мёртвая тишина, и вдруг, в задних рядах, раздался смех.

— Кто смеётся? — захлёбываясь от гнева, взревел хан. — Всех казню, перевешаю, обезглавлю!

— Эй, мой хан, не лопни от злости! — весело прокричала птица, и народ откликнулся на её слова таким громким смехом, что стаи голубей слетели с крыши дворца и заметались над площадью.

Разъярённый хан подбежал к птице, ухватился за шест и с размаху ударил её о помост. Раздался треск, и прекрасная птица разлетелась на тысячу частей.

Никто даже не заметил, как из обломков выскочил маленький человечек. Проворным мышонком он юркнул в щель помоста и исчез.

Грозные телохранители ещё разгоняли палками народ, знатные визири, подхватив хана под руки, ещё не успели увести его во дворец, а Ярты-гулók был уже далеко. Вприпрыжку бежал он по улицам города и весело напевал дерзкую песенку волшебной птицы Биль-Биль-Гоё:

Он мучитель, он губитель,
Он народа разоритель, —
Наш хан — всё наш хан!

И в садах за дувалами, в переполненных народом чайханах, в караван-сараях и на базарах — всюду люди подпевали ему:

Разоритель и злодей
Ненавистный для людей, —
Наш хан, грозный хан!

Размахивая мечами, ханские стражники метались по городу, приказывая людям молчать. Они спешили в один конец, но песня звучала уже на другом краю города. Они мчались обратно, а песня неслась за ними следом.

Можно убить птицу, но разве поймашь песню, когда поёт её весь народ? Из города в город, из аула в аул летит народная песня, и не догнать её ни быстрому ветру, ни грозному хану.

Запретный узел

Эстонская сказка

Как-то выдался в рыбацьем посёлке неудачливый год. С осени рыба плохо шла в сети — к весне и опустели кладовые. У рыбаков рыба, что хлеб у крестьян. Нет рыбы — всё село голодает.

Собрались рыбаки все вместе и стали совет держать. Как быть, что делать? В море выходить — время не пришло, дома оставаться — совсем пропадёшь. Думали, думали рыбаки и решили попытать счастья.

— Может, смилуется над нами море, хоть что-нибудь да пошлёт в наши сети!

А один рыбак сказал:

— Уж не знаю, сказки ли то, или правда, а говорят, старик Кáарел когда-то водил дружбу с самой хозяйкой моря. Уж, верно, он-то знает, как приманить рыбу.

— Что-то и мне вспоминается, — сказал другой рыбак. — Я ещё мальчонкой был, когда дед рассказывал, будто есть у Кáарела заветная вещица, что во всякое время рыбу приманивает. Не пойти ли нам к старику — может, он даст её нам на счастье!

На самом краю села жил Кáарел. Был он когда-то храбрым и удачливым рыбаком. Но давно уже время согнуло его спину, и не только в море перестал ходить старик, а и за порог своей хижины редко переступал. Но когда рыбаки постучались в дверь, Кáарел вышел к ним и

сказал:

— Знаю, друзья, зачем вы пришли ко мне, и вот что скажу вам: добрый рыбак не на счастье надеется, а на умение своё и на силу своих рук. Но вы затеяли трудное дело. До времени выходите в море, а море этого не любит. Хорошо, идите смело, я помогу вам.

Тут старый Кáарел снял с себя шейный платок и показал рыбакам.

— Видите — на платке три узла. Первый узел принесёт вам попутный ветер. Развяжите его, как поднимете парус. Второй узел приманит к вам рыбу. Развяжите его, как закинете сети. Третий узел совсем не развязывайте. А развяжете — ждите беды. И ещё вам скажу: будьте довольны тем, что пошлёт вам само море. Сколько бы ни попало вам рыбы, не закидывайте сети второй раз.

— Не бойся, Кáарел, — ответили рыбаки. — Как ты скажешь, так и сделаем. Слово тебе даём.

— Ну смотрите, слово моряка — верное слово, — сказал старик и отдал рыбакам платок.

Всю ночь рыбаки смолили баркас и чинили сети. К утру всё было готово.

Рыбаки прыгнули в лодку и оттолкнулись от берега.

Скоро они вышли из залива и поставили парус. Тут старшина вынул платок старого Кáарела и сказал:

— Развяжем первый узел.

Узел развязали. И сейчас же задул свежий ветер, наполнил паруса и погнал лодку вперёд.

Хорошо шла лодка. Без руля поворачивала, как ножом рассекала волны. Далеко в открытое море заплыли рыбаки. И вдруг ветер стих, парус упал, лодка остановилась.

— Верно, это и есть то место, о котором говорил старик! — сказали рыбаки. — Поставим здесь наши сети.

Дружно взялись все за работу. Бросили якорь, расправили сети и закинули в море.

— Теперь развязывай второй узел! — крикнули рыбаки.

Старшина вынул из-за пазухи платок старика Кáарела и развязал узел. И только он его развязал, в море что-то заплескалось, круги пошли по воде, поплавки дрогнули на сетях.

Рыбаки подождали, пока всё кругом утихнет, и стали осторожно выбирать сети. Никогда ещё сети не были такими тяжёлыми. Из всех сил тянули их рыбаки. Наконец края сетей поднялись над водой. Рыба прямо кишела в неводе. Серебристая чешуя блестела на солнце так, что глазам было больно смотреть.

— Раз, два! — скомандовал старшина.

Рыбаки дёрнули сети — и рыба посыпалась в лодку.

— Хороший улов! — сказал один рыбак. — Спасибо старику Кáарелу.

— Так-то оно так! — ответил другой рыбак. — Да нам, чтобы все до самой путины были сыты,

надо бы три таких улова. Не закинуть ли, друзья, ещё раз сети?

— Что ты, что ты! — сказал самый молодой рыбак. — Вспомни, что говорил Кáарел: будьте довольны тем, что пошлёт вам само море.

— Ну, старым и малым немного надо, — засмеялся старшина. — А нам стыдно будет, если вернёмся с лодкой, не полной до краёв.

И рыбаки снова закинули сети.

Но на этот раз не было им удачи. Пустые сети вытащили ловцы. И малой рыбёшки не поймали.

Рыбаки приуныли, а старшина сказал:

— Это потому, что мы не развязали третьего узла на платке старого Кáарела. Сами видите — не простой у него платок. Каждый узел приманивает удачу. Остался ещё один, развяжем и его. Тогда уже доверху будет полна наша лодка.

— Ой, старшина, — сказал теперь самый старый рыбак. — Ведь Кáарел велел не трогать этот узел.

— Ну, ты ведь тоже старик, — ответил старшина, — а у стариков известная поговорка — до трёх раз судьбу не испытывай. Только ведь и по-другому говорят: дураки от счастья отказываются.

— И то правда, — сказали рыбаки. — Эх, будь что будет! Развязывай, старшина, узел!

А у старшины давно уже платок наготове. Дёрнул он последний узел и развязал его. И тут море зашумело, волны поднялись за кормой, а поплавки на сетях так и заплясали.

— Ну, пошла рыба! — сказал старшина. — Разве не правду я вам говорил!

Обрадовались рыбаки, еле дождались, пока пришло время тянуть сети. И опять, как и в первый раз, сети показались им очень тяжёлыми. Но рыбаки — крепкий народ. Дружно налегли они на канаты и выдернули невод. И что же! В сетях билась одна-единственная рыба. Это была на удивление большая щука, а хвост у неё был тупой, точно его отрубили топором.

— Ну и чудище! — подивились рыбаки и с досадой бросили щуку в лодку.

Тем временем солнце уже стало спускаться к воде. Волны успокоились перед закатом.

И вдруг какие-то голоса разнеслись по затихшему морю. Рыбаки вскочили и посмотрели кругом.

«Кого это ещё нужда до времени выгнала в море?» — подумали они.

Но нигде не было видно ни одной лодки.

— Должно быть, это кричала чайка, — сказал старшина.

Тут звонко и протяжно заиграл рожок, будто пастух в селе сзывал стадо. Потом женский голос спросил:

— Все ли дома?

А звонкий девичий голос ответил:

— Все дома. Только бесхвостого козла нет.

И опять заиграл рожок, ещё громче, ещё протяжнее.

В лодке вдруг забились щука, она во всю ширь разевала свой зубастый рот и изо всех сил расталкивала других рыб. Но старшина толкнул её сапогом, а товарищам громко крикнул:

— Поднимайте якорь! Что-то не нравится мне всё это. Уйдём поскорее отсюда.

Рыбаки подняли якорь и повернули лодку к родному берегу.

Но что за чудеса! Как ни налегали они на вёсла, — лодка ни с места. Будто море студнем застыло, будто дно лодки приросло к воде. Рыбаки дружно поднимали вёсла, а лодка и на вершок не подвигалась вперёд.

Всю ночь промучились рыбаки. Они то бросали, отчаявшись, вёсла, то снова принимались грести, но ничто не помогало. Казалось, никакая сила не может сдвинуть лодку.

На рассвете, чуть только заалело на востоке, опять слышались удивительные голоса:

— Все ли проснулись, все ли собрались?

— Все проснулись, все собрались, только бесхвостого козла всё нет как нет!

И снова заиграл рожок и тоненько зазвенели колокольчики. А в лодке вдруг зашевелилась рыба. С самого дна, извиваясь, выползла удивительная щука, раскрыла свой зубастый рот и захлопала жабрами.

— Что за беспокойное чудовище! — проворчал старшина и вдруг подумал: «Уж не в ней ли всё дело? Не её ли там дожидаются?»

Тут старшина вскочил со скамейки, схватил щуку и бросил за борт.

И сейчас же где-то далеко, может, на дне моря, кто-то захлопал в ладоши и весело закричал:

— Смотрите, смотрите, бесхвостый козёл плывёт к дому! Вон как торопится, даже пузыри пускает!

Больше рыбаки ничего не слышали. Поднялся такой страшный ветер, так загрохотали волны, что рыбаки и друг друга-то не могли расслышать.

Лодку сорвало с места и понесло по волнам.

Целый день кружились рыбаки в бушующем море. Лодка то взлетала высоко вверх, точно хотела подняться к облакам, то проваливалась глубоко-глубоко вниз, чуть не на самое дно моря. Такой бури, верно, и старики не запомнили на своём веку.

К вечеру лодку прибило к скалистому острову. Рыбаки выпрыгнули на берег и кое-как вытащили лодку на сушу.

— Что это за остров? — спрашивали они друг друга. — Куда это нас занесло?

Тут из-за скалы вышел маленький старичок. Спина у него была согнута колесом, а белая борода падала чуть не до земли.

— Это остров Хйу-маа, — сказал старик. — Немудрено, что вы его не знаете. Редко кто заплывает сюда по доброй воле.

Старик повёл рыбаков в бревенчатую хижину за скалами, обогрел, накормил, а потом сказал:

— Кто вы такие и откуда? И зачем так рано вышли рыбачить?

— Что же нам было делать! Опустели наши кладовые, голод настал в посёлке, — ответили рыбаки и рассказали старику всё, что с ними было. Только об одном они умолчали — о том, как развязали третий, запретный, узел на платке старого Кáарела.

Старик выслушал их и сказал:

— Когда-то я знал вашего Кáарела. Храбрый он и мудрый рыбак. Море для него — что дом родной. Знаете, куда он направил вашу лодку? Прямо к выгону морской хозяйки. Там пасёт она свою рыбу. Но рыба её хитра и умна — никогда не попадает в сети. В ваш-то невод попались рыбы стаи, что заплывают издали покормиться вместе со стадами морской хозяйки. А вот как бесхвостая щука забрела в ваши сети — никак не пойму. Чем это вы её приманили?

Тут поняли рыбаки, от какой беды хотел их уберечь Кáарел, но ничего не ответили старику. Тяжело было у них на сердце. Буря на море не стихала, ветер так и завывал в трубе, и крупные брызги стучали в оконце. Верно, не на один день заладила непогода.

Старик уложил рыбаков в углу хижины на старые сети, и они заснули крепким сном.

На рассвете старик разбудил рыбаков. Буря всё так же ревела за окном, и волны грохотали о камни. Рыбаки совсем приуныли.

— Что же нам делать? — спросили они старика. — Этак нам никогда не выбраться отсюда. А дома ждут голодные дети.

— Ничего, — ответил старик, — может, и выберетесь. Ну-ка, дайте мне платок старого Кáарела.

Старшина нехотя вынул платок и отдал его старику.

Посмотрел старик на платок и покачал головой.

— Когда-то я уже видел его. Только, помнится мне, было на нём три узла. Два узла — сами говорите — вы развязали, а где же третий узел?

Что было делать рыбакам? Всё рассказали они без утайки.

Нахмурился старик.

— Плохие вы моряки! — сказал он. — Старого Кáарела вы не послушались и меня обмануть хотели.

Стыдно стало рыбакам, низко опустили они головы.

— Ну, — сказал старик, — вижу, что вы и так наказаны. Ради старого Кáарела, ради ваших голодных детей помогу вам.

Тут старик взял платок, завязал на нём узел и сказал:

— Смотрите же, чтобы вперёд ваше слово всегда было так крепко, как этот узел.

И только он затянул петлю — ветер за окном разом утих и волны улеглись в море. Будто и не было бури.

Рыбаки поблагодарили старика и пошли к своей лодке.

Старик проводил их до самого берега и, когда подняли парус, махнул рукой, будто на прощанье. И сейчас же лёгкий ветер надул парус, и лодка понеслась по тихому морю.

В тот же день рыбаки приплыли к своему посёлку.

С радостью встретили их друзья и родные.

А улова хватило до самой путины.

Всё хорошо, что хорошо кончается. Но рыбаки никогда не забывали полученного урока. С тех пор слово моряка так же крепко, как и морские узлы, что они завязывают на канатах.

Да и вы почаще вспоминайте эту сказку: ведь не только моряки должны быть верны своему слову.